

18+

Андрей Журавлев

Рисунки
на лужах

Андрей Журавлев

Рисунки на лужах

<https://litres.ru/74252584>

ISBN 9785007052382

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Что такое Любовь? Мистическая драма («Притяжение»), болезненный триллер («Окно»), чудодейственное лекарство («Рисунки на лужах») или разбавленные адреналином воспоминания («Фаза Стрельца»)? А каково без неё («Шоу»)?

Написанные на стыке веков истории, затрагивающие данную тему.

Содержание

Притяжение	5
Окно	82
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Рисунки на лужах

Андрей Журавлев

© Андрей Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-5238-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Притяжение

1

Мир поглотила ночь, она накрыла Землю черным дуршлагом, но через его дырочки, принимаемые людьми за звезды, пробивался зыбкий солнечный свет.

Чужой город засыпал, изредка всхлипывая воем сирен, вздрагивая перестуком колес проносящихся вдалеке составов, чихая моторами поливальных машин, постанывая тормозами вечно бодрых такси...

Ведомственное общежитие квартирного типа отходить ко сну пока явно не собиралось. Оно монотонно гудело разношерстными группами, отличающимися, по сути, пристрастиями либо к пиву, либо к сорокоградусной... Доносились взрывы хохота, кто-то или что-то постоянно падало, отдельные личности мигрировали, будто тени, из комнаты в комнату...

Лишь Сергей бездумно курил в одиночестве на балконе, вглядываясь в темное и чуть ли не впервые после зимы безоблачное небо.

Последнее время на душе у него было беспокойно — им владело скользкое предчувствие чего-то, что должно вот-вот случиться...

«А может ли со мной произойти нечто? — Он усмехнулся

и достал следующую сигарету. — Даже если я сделаю шаг с седьмого этажа, то это уже будет не со мной, а с моими близкими... Тыфу-тыфу, конечно! Возможно, я всего лишь соскучился по дому?»

Двухнедельная командировка, громко именуемая курсами повышения квалификации, большинством приезжих расценивалась не иначе как подобие оплачиваемого отпуска, возможность вырваться из повседневной рутины и вдали от бытовых хлопот, начальства, жен и мужей оттянуться, что называется, на полную катушку. Неприятные моменты — лекции, на которых бойкие преподаватели стремились довести до слушателей сущность передового опыта и ознакомить с новейшими разработками, переносились стоически. Пялясь мутными глазами на докладчиков, взрослые мужчины и женщины поглощали килограммами мятные леденцы и старались реже дышать, но, невзирая на столь мощные превентивные меры, аудитории казались пропитанными запахом перегара. Находились, безусловно, и такие, кто реагировал на лекторов трезво, а нерадивых студентов-переростков осуждал, но они представляли незначительное меньшинство.

Сергей не страдал ханжеством и не порицал ни разгильдяев, ни слишком правильных личностей, причем первым симпатизировал даже больше. «Каждый, право, имеет право...» — именно такими были слова из ужасно крамольной песни его отрочества.

В одной из комнат расстроено звенела гитара, и безликий голос, безбожно фальшивя, натужно тянул до боли знакомую мелодию. Сергей поморщился. Он сам играл и пел на любительском уровне, и не меньше обожал послушать, как это делают другие, но при условии, что те могут исполнять песни лучше него.

Тем не менее, раздражения незримый музыкант не вызывал. На отечественной эстраде полно «личностей» с вокальными данными и похуже, а уж про репертуар даже говорить нечего!

За спиной раздались шаги. Это был Олег из соседнего номера.

— Серёга, а ты чего уединился? — раздался его пьяный баритон. — Мы там с девчонками познакомились... Явно тебя не хватает!

— Кто-то скучает без пары?

— Не-а... Мужиков перебор, но требуется катализатор веселья. Пойдем, расскажешь ту байку, как твой приятель перепутал в темноте зеленку с одеколоном!

Возмутившееся поначалу сознание — мол, нашел шута! — все же поддержало идею влиться в шумную бражку.

— Сейчас, только выскачу за бутылкой... Неудобно зайти с пустыми руками.

— Успокойся! Водки море! Ходить никуда не надо... Иначе попадаем.

— Я уж точно! После пива-то...

— Расслабься! По нарастающей можно!

За импровизированным столом восседали человек десять — таких же, как и Олег с Сергеем, прибывших на курсы, но по другой тематике. Их лица успели примелькаться в коридорах учебного центра и в курилке, но тесный контакт до текущего вечера установлен не был.

Усатый парень делился познаниями из области оптимизации некого процесса... Приметив Олега со спутником, он быстро закруглился.

Сергей поздоровался и улыбнулся присутствующим, не утруждая себя сразу запомнить их имена: Игорь, Татьяна, Владимир... Елена! Скользя взглядом по последней из представленных, он неожиданно ощутил необъяснимую легкость, словно его окатило волной теплой энергии. Какую-то долю секунды без особого интереса на него смотрела симпатичная девушка с безумно красивыми изумрудного цвета глазами. Собственно говоря, за тот краткий миг он только и успел увидеть лишь ее глаза. Зато, пока секундная стрелка перескочила одно деление, его плоть успела рассыпаться на мириады молекул и заново сложиться в привычную окружающим мозаику тела, но парализованного невесомостью.

Что-то случилось с гравитационным полем — земля, дрогнув, ослабила свое притяжение...

Страхнув оцепенение, Сергей взял протянутый ему украшенный отпечатком губной помады пластиковый стаканчик, в котором плескался спирт, разбавленный местным заводом

водой в пропорции четыре к шести.

Произнести тост вызвался Игорь. Он призвал выпить за прекрасных дам стоя. Эта кичливая, но всегда актуальная для пьянки декларация была дурашливо поддержана дружным воем.

Затем разговор опять вернулся в русло профессиональных тем, благо узкий круг состоял исключительно из коллег, только представляющих различные регионы. «У нас то-то и так-то... А у вас как?»

Сергей молчал, потому что недолюбливал свою работу, хотя и относился к ней как крестьянка к дойной корове в неурожайный год — с вынужденным уважением. Впрочем, он не вникал в то, о чем вели речь рядом, по другой причине: он постигал неведомое прежде ощущение полета. Посматривая украдкой на Лену, он силился понять, что повлекло его к ней? Почему пространство разверзлось ему одному видимым водоворотом, манящим в неизвестность? Да, приятная внешность, располагающая улыбка... Но сотни таких можно встретить на улицах любого города, и даже сердце не екнет, а тут...

Конечно же! Свет! Она лучилась внутренним светом! Однако почему кроме него никто не замечал этого?

Выпив еще пару раз за что-то абстрактное, народ пожелал песню. Володя с готовностью извлек облупленную, но вполне приличную по качеству гитару и невыразительно замяукал некогда популярную балладу... Оказалось, это он пел

недавно!

Олег укоризненно глянул на Сергея: «Ну что же ты зажух? Разброд и шатание, а не попойка!» Тот подмигнул ему в ответ, и когда последний аккорд захлебнулся в шелесте скупых аплодисментов, попросил:

— Не возражаете, если и я попробую?

Само собой, никто не противился, хотя и не горел особым энтузиазмом.

— «Гоп-стоп» изобразишь? — хихикнул кто-то. — Или «Мурку»...

Сергей тронул струны, они жалобно отозвались нестройными полутонами, но созвучие уже не имело никакого значения. Он настолько пропитался хлынувшей из ниоткуда энергией, что превратился в гигантский магнит, и это сглаживало всякую шероховатость в игре.

Первой же пропетой строчкой он приковал все внимание к себе. Вышло так произвольно — просто нейтральное притяжение перерождалось в направленное и столь сильное, что его мощь уловили даже те, кого оно не должно было зацепить...

Если бы кто-то догадался записать эту песню, то потом долго ломал бы голову, чем именно завораживал поющий — на ленте воспроизвелся бы разве что едва различимый надрыв, ибо человек не создал еще пока устройство, способное фиксировать и передавать глубину эмоций. С точки зрения беспристрастно изученных физических явлений Сергей пел

обычно, но что-то непостижимое в его голосе увлекало непосвященных за собой, делало окружающих людей светлей и добрей. Он пел для недавней незнакомки. Лишь для нее одной, но так, что остальным чудилось постижение некого таинства. Хотя едва ли они осознали это в полной мере.

Время стало вязким как расплавленная карамель, прочие измерения тоже перестали существовать. Две робких души сделали шаг навстречу друг другу. Сергей различил это еще неосознанное движение в глазах Лены и зажмурился, испугавшись, что перестанет контролировать себя — слишком велико было желание дотянуться до нее рукой...

Он исполнил что-то еще, вызвав заслуженные похвалы спонтанной публики. Потом много шутил...

Вскоре фейерверк необузданных чувств начал утихать, но это не означало, что притяжение исчезло — оно оформилось и загло в вышине скрытую от посторонних взоров Радугу, повенчавшую два сердца.

— Ну, ты, Серый, даешь! — растрогался Игорь, хлопая его по плечу, словно давнего товарища. — С виду такой хмурый, что кажется, к тебе на хромой козе не подъедешь, а в натуре — артист! Предлагаю тост! За Сергея... не знаю, как по батюшке! За талантище с большой и жирной буквы!

Лесть не тронула того, кому она адресовалась, лишь во взгляде Олега, по праву возомнившего себя первооткрывателем на местном уровне, затаилась ревность вперемешку с гордостью доморощенного импресарио: «Знай наших!». Но

единственным и, пожалуй, бесценным призом для Сергея было смятение в прекрасных глазах той, которая непроизвольно повлекла его к себе...

Выпив еще, участники застолья потребовали танцы. Володя, ничуть не уязвленный изменой своей музыкальной пасты, притащил откуда-то хлипкий магнитофон и организовал подобие дискотеки для ровесников Христа, кои были представлены большинством...

Сергей отплясывал со всеми с легкостью юноши, усилив воли заставляя себя держаться подальше от Лены. Он искренно побаивался, что даже нечаянное прикосновение способно замкнуть их виртуальную электрическую цепь, последствием чего — он почти не сомневался — мог стать разряд молнии или мощный взрыв. Сумеречная зона его разума потешалась над подобными страхами, но управление эмоциями было не в ее компетенции.

Девушка безмятежно танцевала с другими, но это не задевало его, а наоборот увеличивало притяжение...

Феерию ночи оборвал рассвет. Утомленные люди побрели каждый восвояси, ругаясь, что через несколько часов предстоит вставать и «лечиться» аспирином или джин-тоником...

Ворочаясь на казенной кровати, Сергей пытался подобрать объяснение произошедшему с ним, но тщетно — неистовая энергия вращала его, словно буря перышко. Вроде бы по венам текла та же кровь, но это уже была не просто

красная жидкость с избытком лейкоцитов и эритроцитов — в нем пульсировала Новая жизнь.

— Ты видел, как она на тебя смотрела? — с налетом зависти спросил его Олег, пока они шли по коридору. — Приятная барышня, да? Еще успеешь ее... того!

Сергей даже не сразу сообразил, что тот имел в виду. Телесную близость? Глупость! Он даже не помышлял об этом. Тем более, что есть случайная постельная связь? Краткий миг заземленного единения, самообман, зашоренный физиологией и чуждый астральным высям...

Лава иных — неизведанных ранее — чувств выжигала его прошлое.

«Наваждение! — подумал он, зарываясь лицом в бесформенную подушку. — Избыток алкоголя в мозгах! День восстановит границы яви...»

2

Невзирая на недосыпание, голова была ясной. Выпив чашку кофе, Сергей с иронией наблюдал за страдающими от похмелья соседями — они стонали и охали, массируя виски, и клятвенно заверяли свои зеркальные отражения, что вечером не возьмут в рот ни капли...

Притяжение затаилось, но никуда не исчезло. Оно пустило корни в потемках его души и зажило по своим законам где-то вовне. Оно стало покладистым, однако, не менее от

этого могущественным.

Впервые за время с начала курсов болтовня лектора не казалась Сергею пустым сотрясением эфира. Впрочем, ее смысл обтекал его сознание, которое парило далеко от кабинетов с запотевшими стеклами — в мирах, где нашли себе пристанище детские грезы. Он вращался по орбите, дозволенной притяжением...

В обеденный перерыв удалось мельком увидеть Лену. Она сухо поздоровалась, избегая контакта глазами. Сергея это слегка задело, но возникшая ночью Радуга по-прежнему безмятежно переливалась всеми своими оттенками.

К концу дня, улизнув с семинара, он отправился пройтись по улицам и поразился тому, насколько преобразился неприглядный поначалу город: серые дома утонули в весенней зелени, перестали различаться выбоины на тротуарах, даже погруженные в свои заботы прохожие стали другими — милей и краше.

Сергей долго стоял возле цветочного ларька, любуясь нехитрым выбором из тюльпанов, роз и ядовито-пестрых привозных хризантем. Он уже было открыл рот, намереваясь объяснить, какой желает букет, но обрушившаяся в то же мгновение лавина условностей оттеснила всё: а как это будет истолковано? Не окажется ли он посмешищем?

Уйдя прочь, он вскоре пожалел, что дал слабину. До каких пор можно остерегаться благих порывов? Ведь это столь естественно, когда мужчина дарит женщине цветы!

Раздосадованный на себя он приплелся в осточертевшее общежитие, обитатели которого, оклемавшись за день, уже варганили себе незатейливый ужин, гадая: «А не наградить ли алчущий желудок бутылочкой пивка?». Воспоминания об утреннем похмелье успели померкнуть, да и залетавший в распахнутые окна терпкий майский воздух провоцировал на очередной шабаш.

Через полчаса циники поплелись за горькой, скептики — за «Балтикой», а оптимисты — за минералкой. Сергей не сомневался, что еще задолго до полуночи в животах у каждого из них будет плескаться коктейль из означенных напитков.

Заглянувшая попросить взаймы сахара то ли Ира, то ли Инна — он так и не запомнил вчера — полюбопытствовала, ожидаются ли вечером песни под гитару. Сергей заверил поклонницу-однодневку, что обязательно, а та сообщила, где и когда сбор. Не пойти он не мог, ведь там должна быть и Она!

Побрившись, парень уставился в книгу, но буквы отказывались складываться в слова и предложения. Часы показывали семь, до встречи оставалась уйма времени.

Он попытался разобраться, что же с ним творится. Это не походило на любовь, по крайней мере на ее хрестоматийные симптомы. Его чувство было на порядок выше, шире и напрочь лишено эгоизма, присущего пронзенному стрелами амура. Прагматик Фрейд классифицировал любовь как романтическую сторону секса и, похоже, был по-своему прав... Притяжение же не то чтобы исключало материализм, но про-

тиворечило ему по своей сути...

В итоге, постижение тяготения духа напомнило Сергею его детские попытки сфотографировать ветер.

Наконец минутная стрелка завершила полный круг. Сергей нарочито небрежно оделся и постучал в дверь комнаты Олега. Тот лениво смотрел телевизор, потягивая из горлышка пузырящийся «Спрайт».

— Пойдем! Нас ждут в 21-й. Предпоследний раунд...
Ведь послезавтра разъедемся кто куда!

— Ступай, Серый, один... Я чужой на том празднике жизни.

— Но...

— Правда-правда! Не в настроении я что-то сегодня...
Может, попозже подтянусь.

— Как знаешь!

Уговаривать никого не хотелось. Пожав плечами, Сергей отправился один...

Декорации этой вечеринки мало отличались от предыдущей, разве что убавилось количество участников, а на неосызаемом уровне исчезла легкая неловкость, присущая компании, когда в нее вливаются несколько посторонних. Снова тосты, песни, анекдоты — стандартный набор рядового застолья.

Только двое сразу же переместились в иное измерение. Они сидели друг напротив друга, смеялись со всеми и пили, но это были лишь оболочки — их души, подхваченные вир-

туальным вихрем внеземных гравитационных полей, испу-
ленно закружились в вальсе, затем вернулись назад и снова
устремились в галактические просторы...

Сергей очнулся от того, что различил на самом дне изу-
мрудных глаз Лены благоговейный ужас и немой крик: «Что
ты делаешь со мной! Перестань!». Она еще не осознавала,
что причина таится не в нем и не в ней, а во взаимном При-
тяжении.

«Что происходит?» — допытывался разум. Это напоми-
нало страсть, однако страсть обязана была быть категори-
ей чувственной, но никак не платонической! Значит, нечто
иное...

— Давайте выйдем на воздух! — предложил Сергей всем,
так и не решившись увести с собой лишь Лену. — Тут по-
близости парк... Весна на дворе, а мы как кроты забились
по норам!

Идею, нехотя, поддержали во многом благодаря аргумен-
ту, что водка под навесом из крон кленов покажется вкусней.

Аттракционы еще работали, и когда все определились с
развлечениями — Игорь с Ирой (или Инной?) заняли тен-
нисный стол, Володя с Таней предпочли пострелять в тире, а
остальные расселись под обещанными деревьями, — Сергей
решился:

— Прокатимся на колесе обозрения?

Лена утвердительно кивнула.

Приготовившийся завершить рабочий день смотритель

состроил недовольную мину, но деньги взял и позволил припозднившимся клиентам занять хлипкую кабинку, которую могучий движок медленно потащил вверх.

Внизу распростерся сумеречный город, рассеченный поблескивающим шрамом реки, а над головами распахнулось сереющее небо в кляксах причудливых облаков.

Не было сказано ни слова. Время замерло. Теперь не только Сергей, но и девушка видела необычную Радугу, хотя боялась признаться в этом!

Когда колесо достигло вершины, он взял руки Лены в свои... Гром не грянул, и молния не вспорола застывший воздух, но цепь замкнулась — магический поток подхватил и понес их, образуя из двух аур одну. За долю секунды они узнали друг о друге столько, сколько способен постичь человеческий мозг, почти утерявший способность обмениваться информацией на космическом уровне.

— Что с нами? — зачарованно прошептала она.

— Не знаю... — честно признался Сергей. Фразы почему-то застревали в горле. — Мне так чудесно с тобой... Я...

— Мне тоже... Какое необычное ощущение! Ты часом не гипнотизер? И ничего не подсыпал в мой бокал?

— Увы...

Вновь поддавшись чудодейственному приливу, они потеряли счет минутам.

Колесо совершило полный оборот и, дрогнув, остановилось. Аттракционы закрывались.

— Жаль... — вздохнул Сергей, подавая спутнице руку.

Разыскать остальных было не сложно — вся шатия-братия переместилась под огромный зонтик еще работавшего кафе и с шутками-прибаутками расправлялась с N-ной поллитровкой. Никто не заметил их отсутствия, только Татьяна хмыкнула с лукавой улыбкой:

— Вид у вас, братцы, дуже заговорщицкий. Не иначе, отчудили чего-нибудь?

Потом всю честную компанию потянуло в данс-бар, откуда вскоре решили перебраться в ресторан...

Лене с Сергеем было все равно, куда идти. Они пребывали за гранью реальности, купаясь в теплых волнах моря породнившихся душ. Украдкой соприкасаясь ладонями и пальцами, они дышали друг другом...

Ураган эмоций стих, оформившись в эластичное, но неразрывное... Притяжение.

Раннее утро напомнило всем, что необходимо отдохнуть. Сотоварищи уже утомонились, а они еще долго стояли под давящими сводами холла, не желая расставаться.

— До завтра... То есть до сегодня! — сказал Сергей нежно, разрушая волевым решением сладкий плен единения.

— Да. Уже поздно... — вымолвила робко Лена и, подавшись порыву, поцеловала его в губы.

Неистовое магнитное поле заключило их в объятия. Это не был мелодраматичный поцелуй любовников — это была финальная нота увертюры к симфонии чувств, миг, когда за-

бываешь даже свое имя...

3

Следующий день выдался пасмурным. Иногда накрапывал дождик, его капли бились об оконное стекло и о зонтики, словно пытаясь достучаться до зачерствевших сердец людей, укрывшихся от непогоды.

На сей раз лекции тяготили Сергея. Хотелось дышать полной грудью, бежать босиком по лужам, кувыркаться в ароматных диких травах... Жить!

В перерыв он разыскал в одной из аудиторий Лену и выпалил:

— Я найду за тобой ровно в восемь!

Он жаждал видеть лишь ее одну без довеска в виде праздной толпы, пусть даже ненавязчивой. Тем более в последний вечер...

Она радостно кивнула, и из ее взгляда исчезла подозрительность — реалия рассудительности. Ведь женщины, несмотря на уверения в обратном, способны дольше сопротивляться овладевающим их чувствам: они бичуют себя за легкомыслие, ожидают подвоха... Но сдавшись порыву, вспыхивают ярчайшим факелом!

— Хорошо...

Пока они перебрасывались парой фраз, Притяжение без усталости провоцировало их прижаться друг к другу, отрешить-

ся и выпорхнуть птицами на волю — прочь от давящих толков...

Но под прицелом десятка любопытно-насмешливых глаз, выражающих примитивнейшее толкование их беседы, им удалось сдержаться.

Оставалось отсидеть еще несколько часов под монотонное бормотание очередного методиста, но Сергей начал задыхаться среди стен и, презрев незыблемое правила данного заведения — не симулировать, отправился слоняться по улицам, жадно ловя ртом влажный воздух.

Ноги сами принесли его к цветочным лоткам. Крупные розы чванливо пялились на потенциального покупателя, но молодой человек вдруг понял, что не польстится на форму, так как отныне улавливает энергетику растений. А большинство из них ничего не выражали или, проще говоря, были мертвы. Лишь несколько бутонов хранили в себе светлую грусть, только одиннадцать темно-алых цветков, забрызганных слезинками дождя.

Сергей расплатился. Непритязательный букет впитал в себя переполнявшую его нежность и затрепетал лепестками. Встреченный им по пути Олег понимающе подмигнул...

— Это по-нашему!

Ответом ему был столь девственно чистый взгляд, что тот устыдился заложенному в его слова подтексту...

— Разве уже восемь? — удивленно спросила Лена, но, заметив розы, тянувшие к ней свои головки, вздрогнула. —

Серёжка... Они такие чудесные... Какой ты молодец! — Она коснулась губами его щеки. — Даже хочется жить!

— Я знаю! — Он улыбнулся.

— У меня третий день кружится голова, но столь приятно...

— Я понимаю тебя лучше, чем ты можешь себе представить.

— А почему цветков одиннадцать, а не, скажем, семь? Дурацкий, конечно, вопрос... Это число что-то значит?

— Да. Каждый из них — буква наших имен... Не обижай их! Я найду, как условились.

Сергей спустился этажом ниже к Игорю, взял у него гитару и принялся коротать время, перебирая струны. В голове роились яркие мелодии, неизвестные миру, но он не мог выплеснуть их, не ведая, как распорядиться открывшимися композиторскими способностями.

«Что же со мной?» — в который раз спрашивал он себя. Это походило на манию. Но любая мания предполагает корысть, но никак не самоотдачу...

Ну почему человек устроен так, что должен всему подобрать определение?

Глянув на часы, Сергей зажмурился. И время тут же послушно ускорило свой ход, приближая сокровенный миг единения...

Они снова были вместе... Гармония, баланс, целостность

— все эти слова не способны передать то, что творилось с их душами, пока тела прогуливались по аллеям небольшого скверика.

Потом, выйдя к реке, Сергей с Леной долго любовались течением мутных вод, а когда стемнело, перебрались в безлюдный парк, залитый призрачным светом величественных фонарей.

Они много разговаривали, но речь почти ничего не значила — имело смысл лишь Притяжение. Рожденные мозгом фразы меркли перед языком, на котором общались их души...

Сергей, опьянев от запаха волос девушки, что-то рассказывал, но сознание Лены просто фиксировало его голос, она нежилась в нем, подобно бабочка под лучами теплого солнца. Их губы мимолетно встречались, пальцы рук беспокойно скользили по коже, удостоверяясь, что происходящее — не сон.

— Господи, как хорошо! — прошептала Лена. — Но почему?

Ответа на этот вопрос он не знал, но неожиданно вспомнилась одна детская книжка.

— Существует легенда, по которой наши далекие предки были полубогами-небожителями и обладали, помимо прочих, даром бессмертия. Но за какой-то проступок Всевышний наказал их тем, что дал им плоть, разделив на половинки — мужчин и женщин, и расселил по всей планете Земля.

А еще придумал время. С тех пор люди ищут свои половинки, но тщетно. Они умирают, рожают себе подобных, грешат, ошибаются... Зачем? Сказание гласит, что нашедшие друг друга, соединившись в целое, вновь обретут бессмертие. А на человеческий род снизойдет благодать — окончатся войны, исчезнут болезни... Ибо Творец простит его за провинность прародителей.

— Красивая сказка... Быть может, мы и есть те самые дольки? Как узнать это?

— Первоисточники умалчивают о том... Но, думаю, мало встретиться, — требуется пройти еще одно испытание — избавиться от накопленного веками груза... Не могу подобрать определение! Ну, назовем его мирской суетой.

— То есть, принести себя в жертву?

— В каком-то смысле, да. Но единение душ — не потеря, а обретение себя. Если провести параллель с религией, то на ум неизбежно приходит предание об Иисусе, который, умирая, хотел взять всю тяжесть людского греха на себя, в надежде облагодетельствовать род людской. Итог известен — сам-то он воскрес и вознесся, а смертным перепало лишь немного веры... Да простят мне моё кощунство набожные личности, но ошибка Христа состояла в том, что он, провозглашая любовь к абстрактному ближнему, недооценивал силу любви мужчины и женщины.

Лена вздохнула.

— А ты когда-нибудь ощущал себя счастливым?

— Пожалуй, случилось пару раз, но слишком скоротечно... Из меня неважный философ, однако в моем понимании счастье — это когда прошлое и будущее перестают значить что-либо...

— Так просто? — Она улыбнулась. — Выходит, сейчас я...

— Тс-с-с... — Сергей прижал к ее губам палец. — Об этом не говорят вслух. Слова — лишь звуки... Зажмурься!

Девушка ожидала, что последует жаркий поцелуй, но Сергей тоже закрыл глаза и, сжав ее руку, отдался во власть Притяжения...

Они рухнули в переливающуюся яркими красками пропасть, затем взлетели выше звезд...

— Молодые-симпатичные, сигареткой не угостите? — проскрипел сиплым басом проходивший мимо мужичок, явно навеселе.

Сидевшие на лавочке не реагировали.

— Тьфу... Наркоманы поганые! А с виду приличные... — проворчал он и потянул носом необычайно наэлектризованный воздух.

Вдруг голова запойного пьяницы прояснилась, а сердце обожгло раскаяние: «Так, как я живу, жить нельзя!»

— Чертовщина! — пробормотал он и бросился бежать прочь от странной парочки...

— Кажется, кто-то обращался к нам? — Лена рассеянно озиралась по сторонам. Она дрожала.

— Может быть... — отозвался Сергей и озабоченно спросил: — Замерзла? Тебя всю трясет!

— Это не от холода... Мне показалось, что Млечный путь находится не сверху, как обычно, а далеко-далеко под ногами... Так захватывающе! И ни капельки не страшно! Как все-таки здорово с тобой!

Парень молча прижал ее к себе. Он ощущал тепло ее тела, сладковатый аромат незнакомых духов сводил его с ума... А Млечный путь действительно искрился где-то внизу...

Небо очистилось от туч, на землю, не мигая, безучастно взирала располневшая Луна. Часы показывали полночь.

— Завтра мы разъедемся в разные стороны... — с горечью сказала Лена. — И, возможно, больше никогда не встретимся...

— Неправда! — Сергей отказывался этому верить. — Сколько километров нас будут разделять? Триста? Пятьсот? Какая мелочь! Постой... Когда ты последний раз получала письма? Не по электронной почте, а на бумаге.

— Давным-давно...

— Я напишу... И голосовую связь никто не отменял... А то и в гости выберусь как-нибудь!

— Зачем себя обманывать... Хотя, было бы здорово!

Она продиктовала домашний адрес и номер телефона, которые Сергей аккуратно занес в раздел «Контакты».

— А можно я тебя сфотографирую? Прихватил, вот, свой Полароид...

— Конечно!

Щелчок, жужжание, быстрая проявка. Удостоверившись, что снимок вышел хорошим, девушка сказала:

— Пора возвращаться, а то вахтерша не впустит нас в об-
щагу...

Снова явь. Взявшись за руки, они шли по пустынным ули-
цам. Одно за одним гасли окна высоток...

Неожиданно задул резкий встречный ветер, словно при-
рода сопротивлялась тому, что им предстояло расстаться. Но
скорей всего это было совпадением, ведь естеству ничего не
стоило подхватить двоих смерчем и унести на далекий ост-
ров.

Но ничего аномального не произошло. Они юркнули в
пропахший хлоркой подъезд, дежурившая на вахте тетеч-
ка безразлично покосилась на припозднившихся постояль-
цев...

— До свидания... — шепнул Сергей, когда они поднялись
на пятый этаж. — Я буду скучать...

— Я тоже... — Лена поникла. — Пока...

Прекрасный сон заканчивался. Их пальцы разомкну-
лись...

К обеду все формальности были улажены: прослушавшим
курсы вручили тисненные золотом свидетельства, отметили

командировочные удостоверения и пожелали удачного пути...

Сергей зашел попрощаться еще раз, но Лены в номере не оказалось.

«Так даже лучше, — решил он, — что изменят несколько лишних минут?»

Подхватив дорожную сумку, он пожал руку неторопливо паковавшему вещи Олегу и зашагал к автостоянке.

Притяжение забеспокоилось — оно заставляло чаще биться сердце, наливало свинцом ноги, сковывая движения... Но разум сопротивлялся, периодически нейтрализуя непривычное гравитационное поле.

Механически осмотрев свою старенькую «BMW», Сергей долго не решался тронуться с места, парализованный неведомой науке силой, но, в конце концов, выжал сцепление...

Добравшись до трассы, он ощутил некоторое облегчение. Загадочный магнит по-прежнему тянул его назад, но его могуществу стало возможным противостоять.

Грудь разрывала невыразимая тоска, однако мозг планомерно восстанавливал способность контролировать ход событий. С каждым километром пути на Сергея надвигалась грозовым фронтом реальность, обволакивая образ Лены липким туманом прошлого. Зато явственно начинали очерчиваться предстоящие заботы: «через два дня — срок платежа по кредиту», «нужно заменить кран в ванной», «на работе ждет месячный отчет», «у племянницы день рожде-

ня, а подарка нет!»

Наконец сознание пронзила мысль, заставившая покрыться его спину холодным потом: «Ведь я уже четвертый год женат!»

Мышление беспристрастно классифицировало подобного рода амнезию как чудовищное преступление пострашнее измены, но совесть, шевельнувшись, уснула снова. Во всяком случае, стыдно почему-то не стало.

«Да и чего стыдиться-то? Ну, подержал барышню за ручку... Ну, случился поцелуй... Можно ли считать это изменой? Конечно нет...»

Парень напряг всё свое воображение, заставив себя думать о чем-нибудь отвлеченном. Получилось!

Он мчался по субботнему пустынному шоссе, а вдогонку летела ослепительная Радуга.

5

Не сверяясь с календарем, ворвалось лето, задушив обитателей городов небывалой жарой. Природа словно решила поквитаться с паразитирующим на ее изможденном теле вирусом, именуемым человечеством, за весь нанесенный им вред ее здоровью. А может быть некий небесный экспериментатор, ставящий опыты над обитателями Земли, приступил к очередной фазе исследования выживаемости флоры и фауны: планету как всегда будоражили войны, эпидемии,

финансовые кризисы, экологические и прочие катастрофы. Но теперь на всё это наслаивалась адская температура воздуха...

Сергей же балансировал на грани раздвоения личности. Но не тепловой удар являлся тому причиной. Он постоянно пребывал в двух измерениях, одно из которых было привычным, а вот другое располагалось на границе сна и действительности. Его внутренний мир раскалывался пополам, угрожая сумасшествием.

Хотя никто не замечал в нем перемен — сослуживцы как обычно потешались над его шутками, супруга Ольга, не выказывая даже тени беспокойства, щебетала о прожектах на будущее, родители при редких встречах читали привычные наравоучения...

Только незнакомые женщины, проходя мимо на улице, инстинктивно оборачивались вслед, улавливая струившуюся из него энергию, которую они ошибочно принимали за сексуальность.

А ночами за его спиной вырастали исполинские крылья, и яркие грезы, оседлав строптивый при свете дня рассудок, уносили его навстречу другой маявшейся душе. И лишь под утро тяжелая дрема смыкала ему веки.

Он написал Лене письмо, но никак не решался его отправить. Во-первых, словами ему не удалось передать даже толики своих чувств, во-вторых, интеллект, привыкший уместать все по полочкам, бунтовал, истязая сомнениями и по-

нуждая анализировать, вычленять смысл и суть.

«Она тебя забыла... Если даже нет, то вы обречены! У каждого из вас своя жизнь... Не ищи добра от добра!»

Через две недели он все же решился позвонить. Лишенная эмоций электроника с готовностью исполнила свой коммуникационный долг. Жалобно запищали гудки...

— Алло... — донеслось издалека.

Сергей узнал ее сразу — уже в тот момент, когда невидимый абонент брал трубку, Притяжение пронзило грудь и буквально припечатало голову в телефонному аппарату, а душа предприняла попытку устремиться в межгалактическое путешествие...

— Здравствуйте, а Елену... — пробормотал он на всякий случай.

— Серёжка? — обрадовалась она. — Привет! Куда ты запропастился? Я по два раза на дню заглядываю в почтовый ящик... Ты сдержал обещание написать?

— И да, и нет... Конверт уже который день лежит у меня в кармане.

— Бессовестный! — ласково пожурела его Лена. — Я же жду...

«И вправду, какой я дурак!» — подумал он, заверяя: — Я отправлю его сейчас же... Как твои дела?

— Нормально...

— А я скучаю...

Послышался то ли вздох, то ли всхлип.

— Я тоже. Я так боялась, что ты исчез из моей жизни навсегда!

Они болтали о пустяках. Сергей наслаждался голосом собеседницы, впитывая его мягкий тембр словно губка. Воспоминания о звездах, переливающихся далеко под ногами, жгли сознание.

— Мне плохо без тебя! — не выдержал Сергей. — Я приеду... Можно?

— Конечно!

На заднем фоне слышались голоса — мужской и детский.

— Хочешь... завтра?

Но последняя фраза прозвучала в пустоту — напичканное микросхемами чудовище безжалостно разъединило линию. Перезванивать не имело смысла.

Он испытывал слабость в теле, по лицу струился пот, но всё его существо ликовало. От мысли, что вскоре они увидятся, кружилась голова. Остальное полностью потеряло значение...

6

Но миновала еще одна неделя. Он упрямо боролся с самим собой: рвал написанные письма и хватался за бумагу вновь, набирал заветный номер и тут же нажимал на кнопку «отбой»...

Но в конце концов рассудок был, если уж не связан, то во всяком случае стреножен бечевой чувств.

— Я даже не могу объяснить, что со мной творится... — исповедывался Сергей своему старому другу. — Меня влечет к ней... Именно влечет! Мне наплевать на карьеру, на неизбежные слезы жены... На всё! Только бы оказаться рядом.

Андрей, потягивая ледяную минералку, с оттенком скепсиса на лице внимательно слушал товарища.

— Она красивая?

— Пожалуй... да! Но это вторично.

— Не скажи... Блондинка?

— Типа того... Светленькая, стрижка под каре, если тебя интересуют подобные подробности. Но тут совсем другое!

— Ты с ней спал?

— Нет же!

— Напрасно. — Андрей жадно затянулся сигаретой и продолжил: — А сколько ей лет?

— Двадцать пять... Или двадцать восемь... Может, и тридцать пять.

— Фантастика! — Друг поперхнулся табачным дымом. — Дети? Муж?

— Понятия не имею... Пойми, мне безразлично, семеро ли детишек по лавкам, имеется ли благоверный-мавр... Мы схожи, мы — части чего-то целого!

Андрей задумчиво уставился на проходившую мимо дев-

чонку, облаченную в символическую юбку, и изрек:

— Тяжелый случай... Это бесы! Тебя грызут демоны! Такое случается после «тридцатника». Последняя вспышка романтики... После сорока грядет еще один всплеск, на сей раз заземленный — временное обращение в полового разбойника, а затем — духовно-физиологический каюк!

— Циник!

— Ничего подобного! Реалист... А ты не размышлял на досуге, скольким людям принесут страдания твои выкрутасы? Девке той своей голову заморочишь, раз. Ольга, жена твоя, сроду не простит такого, два... Разрушишь семьи, три, погубишь карьеру, четыре... Продолжить?

— Бог ты мой, мы знакомы четверть века, но впервые говорим на разных языках! — Сергей горько хмыкнул. — Если я не увижу ее в ближайшие дни, будешь передавать мне гостинцы в психушку!

— Коли всё так серьезно, как ты обрисовал, то я... жутко тебе завидую! — Андрей больше не иронизировал. — Честно! Я рад за тебя! Мы настолько задавлены всякой рутинной, что искоренили в себе весь авантюризм... Влюбился ты, Сергуня! И... молодец!

— Боюсь, это мягко сказано. Я терял голову пару раз, но на сей раз всё иначе... Прозвучит дико, но, мне кажется, я, как и прежде, люблю Олю, а Лену... Это больше, чем бурный роман. Сложно выразить... В общем, помнишь, ты рассказывал, что твой сосед как-то выдал: «Когда я сплю с супру-

гой, я ощущаю, что изменяю совсем другой!» Тогда я хихикал, а теперь мне не до смеха... И самое удивительное — я не раскаиваюсь ни капельки!

— В общем, поедешь к ней, так?

— Ага.

— Не ошибись... И повзрослей ты наконец. Уясни: вы не будете вместе! Или кто-то из вас способен поступиться всем? Впрочем, ты-то можешь — ты всегда презирал клетки, даже золотые. И с Олькой вам делить особо нечего... Хотя по сути ты — сволочь: украл ее лучшие годы! Хм... А она, эта твоя Елена Прекрасная, готова выложить всё на плаху?

— Ну...

— То-то ж! — Андрей хитро потер руки. — А не устроить ли тебе праздник? Как противоядие... У меня есть в арсенале две сговорчивые барышни, которые томятся в ожидании моего сигнала. Развеешься и выкинешь из своей перегретой башки маразматические затеи! Как план?

— Ты уж сам...

— Эх! — вздохнул друг. — Это я тебя проверял на прочность. Что ж, лети голубок, но остерегайся кошек! На работе не хватятся?

— Вряд ли. Возьму отгулы.

— А что сбредал или сбрешешь Ольге?

— Ничего... Тот редкий случай, когда не смогу соврать.

— Так нельзя! Конспирация — великая вещь! Зачем плевать в колодец? Ладно, возложу эту неприятную миссию на

себя. Срочно уехал по делам в Москву, звонил — не дозво-
нился, просил передать и тому подобное... Сойдет? Потом
уж выкручивайся сам.

— Let it be, mon ami¹!

Через полчаса Сергей забрал из гаража машину, и припар-
ковавшись в незнакомом дворике, попытался взвесить все
«за» и «против» своего спонтанного вояжа.

Рассерженное на промедление гравитационное поле вы-
зывало озноб и туманило мысли.

Два пути — вперед либо назад. Манящая неизвестность
или умиротворенное бытие. Вероятное счастье против уже
устоявшегося жизненного уклада. Дилемма.

Но Притяжение без труда одерживало победу.

«Должен быть выход! — твердил строптивый разум. —
Древние лгали, утверждая, что *tercium non datur*²!»

«Москва! — осенило его внезапно. — Укатить в столи-
цу, побыть один на один с собой... Разобраться. Убежать от
всех! Или от себя?»

Пока не поздно!

Купив билет на проходящий скорый поезд, Сергей про-
тиснулся в душное купе, пропахшее чесночной колбасой и
испарениями человеческих тел.

Голова гудела, лица попутчиков расплывались.

— Жарко, сынок? — участливо поинтересовалась пожи-

¹ Пусть будет так (англ.), мой друг (фр.)!

² (лат.) — третьего не дано.

лая пассажирка.

Молодой человек не ответил. Его мутило, а прочие симптомы напоминали нехарактерную для Средней полосы тропическую лихорадку.

Состав отправился. Лязгая зубами колес, он начал набирать скорость, но внезапно дернулся и, взвизгнув тормозами, замер как вкопанный. Кто-то сорвал стоп-кран.

«Это знамение! Намек свыше... — решил Сергей. — Шанс изменить маршрут на единственно правильный!»

Попросив посторониться ворчащую проводницу, высушившуюся в распахнутую дверь вагона, он спрыгнул на насыпь и, игнорируя гневные крики должностного лица железной дороги, припустил в сторону вокзала...

Работники автостоянки изумленно покосились на чудаковатого клиента, заплатившего за двое суток вперед и вернувшегося за своей легковушкой спустя час.

Станный! Даже возвратить деньги не потребовал...

Дорога серой лентой уводила машину Сергея к горизонту. С каждым километром он ощущал всё нарастающую легкость — усталость таяла, сердце, еще недавно колотившееся словно неисправный дизель, бодро перекачивало кровь, обогащенную гормонами радости, сознание становилось ясным.

Законы всемирного тяготения опять превращались в бредовую догму, существовавшую лишь на бумаге...

Телефон отзывался длинными гудками, но Сергей не отчаивался. Он колесил по проспектам незнакомого города и, высмотрев очередной автомат, набирал заветный номер.

«Кто ж в такую духоту торчит дома? — издевался внутренний голос. — Тем более в воскресный день... Отмахал триста верст напрасно!»

Но парень не обращал на него внимания, ведь воспарившая душа знала, что Притяжение одолеет любые преграды.

Вечерело. Теперь раскаленный за день асфальт отдавал свой жар остывающему воздуху, образуя желтоватое марево.

К 10 часам вечера уверенность Сергея в неизбежности встречи пошатнулась. Ему вдруг захотелось взвыть от отчаяния, распластаться на пыльном тротуаре...

«Две половинки, томящиеся друг без друга... Чушь! Ересь! — невольно ругал он себя. — Прав Андрей — это лукавые бесы устроили внутри меня сборище, празднуя мой кризис среднего возраста! Приперся к черту на кулички... Что ж, бешеной собаке периметр какой-нибудь Бельгии — не крюк! Паранойя, а не астральная связь! Кому ты тут нужен? Девчонка подыграла тебе, желая развлечься, а ты губы и раскатал!»

Ему вспомнилась Оля. Такая уютная и родная... За что он так обходится с ней? Ради чего? Не являет ли Притяжение собой высшую форму эгоизма? Эдакую прихоть себялюбца?

Но вопреки терзаниям разума палец снова и снова упрямо нажимал на кнопку вызова...

«Еще один раз! Последний...» — зарекался Сергей, но продолжал атаковать сотовую связь одной и той же комбинацией цифр.

Наконец на противоположном конце провода ответили.

— Алло...

— Леночка, здравствуй... — выдохнул он, захлебнувшись теплой волной ликования. — Скажи, что твой голос — не галлюцинация!

— Серёженька! Я чувствовала, что это ты! Ты из... Ты откуда звонишь? Мы с семьей были на даче, хотели заночевать... Еле отговорила.

Недавние сомнения и сожаления рассыпались пылью и были сметены вихрем эмоций.

— Я в двух минутах от тебя!

— Не шути так!

— Я сейчас буду у твоего дома! Мигом...

Сергею показалось, что он попал в телепорт и перенесся из одной точки в другую...

Лена стояла у подъезда, выскочив из квартиры в домашнем халатике и тапочках. Забыв про увядший букет, парень заключил ее в объятия прямо на глазах изумленных жильцов, оккупировавших в поисках прохлады балконы...

Кандалы слепых предрассудков растаяли. Их тут же обвинила пестрая Радуга, торжествующие души соединились.

— Тебя можно забрать... до утра?

— Не знаю... Да.

— Но...

— Тс-с-с... Поехали. Скорее! — Девушка встрепенулась.

— Увези меня прочь!

Они не заметили, как оказались за городом. Освещенная полной Луной трасса петляла среди поросших редколесьем холмов.

— Куда мы? — спросила Лена.

— Понятия не имею...

— Тогда давай остановимся где-нибудь...

Сергей свернул машину на проселочную дорогу, которая через четверть часа привела их к крохотному озерцу с поросшим ивами берегом. Кругом простирались бескрайние луга, и ночной пейзаж с маленьким водоемом создавал иллюзию оазиса в пустыне.

Двигатель, фыркнув, заглох, мир окутала тишина, звенящая едва различимым хором насекомых.

Очарованные Сергей и Лена ступили в подлунный мир, как будто оживший на старинном холсте...

— Мы попали в сказку?

— Нет, сказка сама поселилась в нас...

Словно потерпевшие кораблекрушение, чудом достигшие неведомой суши, или астронавты, высадившиеся на неизведанной планете, они любовались завораживающим ландшафтом. Воздух терпко пах полевыми цветами, свободой и

тревогой...

Внезапно налетел ветер, укутав исполинскую Селену в меха облаков; запричитали лягушки, на которых зашикали-зашумели деревья; заструилась рекой трава, а горизонт на юго-западе раскололо жало молнии...

— Ой! — Лена вздрогнула. — Надо выбираться на асфальт, пока не пошел ливень...

— Зачем? — возразил Сергей. — Ты страшишься раскатов грома?

— С тобой я ничего не боюсь. Но чернозем ведь раскиснет и тогда...

— И тогда... Гроза застала Ивана-Царевича и Елену Прекрасную в чистом поле... Это злая Баба-Яга послала им вдогонку свою самую преданную и самую страшную тучу! «Она испепелит нас своими огненными стрелами!» — воскликнула красна девица. Но добрый молодец прижал ее к себе и молвил: «Не для того я нашел тебя за тридевять земель, чтобы позволить какому-то жалкому облачку разлучить нас! Оно сильнее, но мы хитрей! Мы спрячемся, и прислужница вредной старухи не заметит нас с высоты — она изойдет дождем, погрохочет и... станет немощной! А Серый Волк помчит нас дальше...

— Выдумщик ты мой...

— Ага! В багажнике есть отличный шатер. Почти дворец... Решайся!

Установка палатки заняла минут двадцать. Перетащив из

машины кое-какие вещи, они еле успели заскочить внутрь, как тут же с небес на землю обрушился неистовый водопад... Перемежаясь с дробным боем крупных капель, наэлектризованную атмосферу сотрясали реверберирующие громовые раскаты. Казалось, наступает обещанный Конец Света, и именно в Среднерусской полосе зарождается очередной Всемирный потоп...

Но двое крепко прижавшихся друг к другу людей не страшились ярости природы. Пока ненастье тщетно стремилось уничтожить сей жалкий ковчег, возникший на его пути, а походя и обретших в нем пристанище, две души метались по тесной клетке Вселенной в поисках приюта, всё отчетливей понимая, что они — части одного целого...

Буря прекратилась столь же внезапно — перестал стучать по тенту дождь, а рупор грома как будто заткнули ватой: его яростный рык обратился угасающим эхом.

Сергей включил походный фонарик. Эфемерный свет махонькой лампочки вырвал из крошечной тьмы умиротворенное лицо Лены. В ее глазах блеснули слезинки, и она поспешила уткнуться носом в ямку между шеей и плечом лежащего рядом мужчины.

Перевернув девушку на спину, он принялся бережно целовать ее приоткрытые губы, которые с каждым касанием становились всё слаще... Их тела упивались наивной близостью, руки, скользившие поначалу лишь по одежде, раскрепощались... Это не походило на прелюдию, за которой обя-

зан последовать акт земной любви, — это был сурдоперевод разговора двух одиночеств. Плоть, безусловно, отзывалась свойственными молодым организмам процессами, но неисребимое Оно³ не играло присущей Homo sapiens роли, уступив власть всепоглощающему непорочному обожанию.

Осыпая ласками ее ангельские груди, щеки, живот, Сергей словно рассказывал, как он устал вдаль от своей половинки, а уста и руки Лены отвечали похожими историями... Покоренный платонически, теперь он восхищался ею на уровне осязания, с умилением принимая и прижатый йодом прыщик чуть ниже ключицы, и островки шелушившейся от загара кожи...

— Я сегодня наконец-то постиг значение одного слова, с юности раздражавшего меня своей неблагозвучностью... — сказал Сергей, обводя указательным пальцем контур ее влекущих губ, сочившихся нектаром, столь трепетно, будто касался крылышек мотылька.

Девушка открыла свои изумрудные глаза.

— Какого?

— Боготворить. Теперь я понимаю его смысл, сокрытый от меня на долгие годы... В нем отсутствует слащавая приторность изъезженной вдоль и поперек фразы «Я тебя люблю!» В нем вызов, способный навлечь религиозный гнев,

³ Оно — в психоанализе самая глубинная подструктура душевного аппарата, содержания которой бессознательны, содержит безудержные сексуальные и агрессивные влечения. Направлена только на получение удовольствия.

раздолье чувств, не заключенных в темницу морали, полет, не ограниченный траекторией секса и быта, и... оно раскрывает суть того, что я окрестил Притяжением. Я боготворю тебя!

— Как необычно... — Лена до судороги сильно прижалась к нему. — Я... я тоже счастлива с тобой! Я ощущаю это каждой своей клеточкой... Я тосковала по тебе. До такой степени, что порой это раздражало! Если бы ты не приехал, я бы отправилась к тебе сама... Даже не зная твоего адреса, я бы блаженствовала уже оттого, что ты где-то рядом... Это сумасшествие! Но столь желанное...

Их снова подхватил неуправляемый поток неземной страсти...

Батарейки в фонарике почти сели, но этого никто не заметил. Неугомонное время пульсировало не секундами, а целыми часами. Тик-так, тик-так...

Небосклон на востоке окрасился в бледно-золотистые тона, залилась трелью какая-то страдающая бессонницей пичуга, недовольно квакнули сытые жабы...

— Скоро взойдет Солнце... — Девушка улыбнулась, потягиваясь.

— Пожалуй... Начало пятого, а в июне самые короткие ночи! Проветримся?

Они выбрались из палатки. Над озерцом и над лугами ключьями стелился туман, к западу маячил поблекший диск Луны...

— Посмотри! — вскрикнула удивленно Лена. — Такого не бывает!

Сергей поднял взгляд кверху и тоже поразился — над их головами простиралась Радуга в виде... кольца!

— С той минуты, когда я коснулся твоей руки, она не исчезает. Это мостик от меня к тебе... Просто, когда мы рядом, он бездействует! И замкнулся.

— А я почти месяц думала, что у меня навязчивое видение.... Но нас учили...

— Ты про преломление солнечных лучей? Книжки врут! Умные мужи, написавшие их, не ведали о существовании романтики, а та в свою очередь обходила их десятой дорогой... Все зависит от личного мировосприятия: так, для кого-то поцелуй — таинство, возносящее душу в заоблачные высоты, а для другого — тривиальный обмен жидкостями и бактериями, поселившимися в полости рта... Кроме того, это не простая радуга!

— Ты такой... необычный!

Вскипятив на завалявшейся в багажнике керосинке чай, он неуверенно достал гитару.

— Я небольшой специалист по части сочинительства песен... Но последние недели меня распирают всякие вирши, снится музыка... — Сергей робко взял аккорд. — Я посвятил ее тебе! Не суди строго...

Свежий утренний ветерок подхватил плавный перебор струн и голос, а незатейливая, но трепетная мелодия запор-

хала бабочкой над бескрайними полями.

Лена зачарованно слушала, стараясь скрыть смущение, радость и одновременно недоверие, что бесхитростный, не совсем рифмованный текст и дивный мотив сложены в ее честь.

Последняя пропетая строчка совпала с восходом; и как только пики солнечных лучей нанизали на себя алмазы росинок, в мир стали возвращаться позабытые к утру звуки: жужжал шмель, застрекотали кузнечики, зашуршала среди сочных стеблей ромашек ящерица...

— Спасибо... — Девушка была растрогана.

Но благодарности не требовалось. Сергей объяснился понятным языком, который одобрила и утонченная Радуга, и безжалостное Притяжение...

Некоторое время они наблюдали за рождением нового дня, слегка сожалея о рассыпающихся миражах ночи.

— Это всё, что останется после меня. Это всё, что возьму я с собой... — печально пропела Лена и виновато зевнула.

— Вздремни полчаса, — предложил он, — иначе уснешь на рабочем месте.

— А ты?

— И я попробую... Не волнуйся — не проспим!

Она доверчиво примостилась рядом с Сергеем, положив голову ему на грудь, и вскоре ее дыхание стало безмятежным. Он перебирал волосы дорогой ему женщины, наслаждаясь тем, как они струятся между пальцами. О сне не мог-

ло быть и речи! Он с обожанием всматривался в ее лицо, запечатлевая в памяти каждую черточку: наметившиеся паутинки морщинок возле сомкнутых век, редкие точки веснушек, родинку...

Около семи Лена подхватила сама:

— Еще не пора вставать?

— Пора... Отдохнула хоть немножко?

— Я уже давно не засыпала так быстро... Как ребенок!

Она потянулась и чмокнула Сергея в нос.

— Ты прелесть!

Потом вдруг ее лик омрачился, малахиты глаз наполнились слезами. Она сжалась в комок и несколько минут отрешенно молчала...

— Что случилось?

— Серёженька, отпусти меня... Я слишком слабая, чтобы выносить подобные муки! Ты уедешь, а я останусь один на один со своей испепеляющей тоской! Я умру... Сделай же что-нибудь! Ударь или оскорби! — Лена не причитала, не заламывала руки, она выдавливала лаконичные фразы, произнося их безжизненным голосом разума. — Я не подозревала, что со мной может случиться такое... Я всегда считала себя до мозга костей домашней, преданной... Пожалей! У меня дочь переходит в третий класс, муж — порядочный человек... Я не выдержу! Когда я думаю о тебе, мне не нужен никто... Это страшит. И у тебя любящая — я уверена! — жена... Прогони меня. Пожалуйста!

Ему показалось, что раскаленный кинжал исполосовал его сердце, а на дымящиеся раны свалился лед опустошения. Мир свернулся клубком боли и отчаяния...

Сергей прижал девушку к себе, и она сразу же обмякла. Глупое гравитационное поле, не понимающее человеческую речь, расценило это по-своему — улыбнувшись Радугой, вернуло в души гармонию. Но отравленное житейской логикой мышление оцетинилось поисками решения.

— Я уйду из твоей жизни... — выдавил он. — Попробую... Я не хочу, чтобы ты страдала. Но и ты пообещай, что не станешь скучать! А с собой я справлюсь. Не сразу, но выдюжу.... Ты права: на пожарище чужих судеб не взрастишь свое собственное счастье. Так диктует нам нравственность... — Сергей изобразил беззаботность. — Как зовут твою дочурку?

— Даша...

— Дарья, значит. Славное имя! Она похожа на тебя?

— Угу, и на папу тоже...

— Люби ее сильно-сильно...

Словно робот, он упаковал палатку. Поникшая Лена бездумно смотрела куда-то вдаль. И ему, и ей все вокруг казалось черно-белым, лишь в небе упрямо играла семья цветами Радуга.

Закончив сборы, они украдкой кинули прощальные взгляды на приютивший их райский уголок...

С небольшими затруднениями машина выбралась на су-

хой асфальт и, прочертив на нем грязью четыре полукруга, помчалась в сторону цивилизации...

Уже вскоре им открылась панорама крупного города.

Полдороги девушка, потупившись, сидела и делала вид, что изучает свою коленку.

— Прости, — нарушила она, наконец, гнетущее безмолвие. — Так нам обоим будет лучше...

— Наверно... Да и не за что прощать. Ты не сделала мне ничего плохого. Надеюсь, я тоже... Ты кто по знаку зодиака?

— Весы.

— Рассудительность превыше всего. Верно? — Он вздохнул. — И это не упрек — именно так правильно! В противном случае общество отторгнет тебя...

— Ты злишься.

— Едва ли. В тот миг, когда внутрь меня ворвутся негативные эмоции, Притяжение начнет таять. Можно, я позволю как-нибудь? Или напишу?

— Не считай меня бесчувственной... Давай останемся друг для друга яркими полосками света во мраке наших стремлений! Ты поймешь...

За квартал от своего дома Лена попросила:

— Высади меня здесь. Блудная мать протопает остаток пути пешком...

Сергей покорно «притёр» автомобиль к тротуару.

— Ну что, прощай? — она попыталась улыбнуться. — Прозвучит банально, но... я никогда не забуду тебя!

Между ними вырастала монолитная стена отчаяния. Прозрачные кирпичики безнадежности с потрясающей быстротой рассекали неделимое, застывая в вязком цементе немочи, зачатой обстоятельствами. «Это ошибка! Чудовищная ошибка! Добровольная казнь!» — бунтовало сердце. Но его крики натыкались на неколебимое препятствие, воздвигнутое рассудком.

Сергей засуетился, отыскивая в бардачке средихлама блокнот и ручку.

— Подожди! Номер моего телефона ты знаешь, но техника — вещь ненадежная. Я черкну адрес... На всякий случай. Вдруг понадобится помощь? В любое время дня и ночи! Сейчас...

— Это лишнее, — Лена была непреклонна. — Не ищущай меня и себя... Пусть у тебя всё будет хорошо. Пока, Серёженька!

Она хлопнула дверцей и зашагала прочь. Поддавшись порыву, он бросился следом, но ноги подкосились, и ранние прохожие удивленно уставились на прилично одетого молодого человека, ни с того ни с сего распластавшегося посреди мощеной плиткой улицы...

Шатаясь от накатившей слабости, он вернулся к машине и, сев за руль, резко сорвал ее с места.

— Пьяный как кол! — поделилась с «вооруженной» пакетом старушкой своими умозаключениями дворничиха, наблюдавшая странное прощание двух людей. — Совсем эти

владельцы иномарок охренели! И как с ними девки общаются?

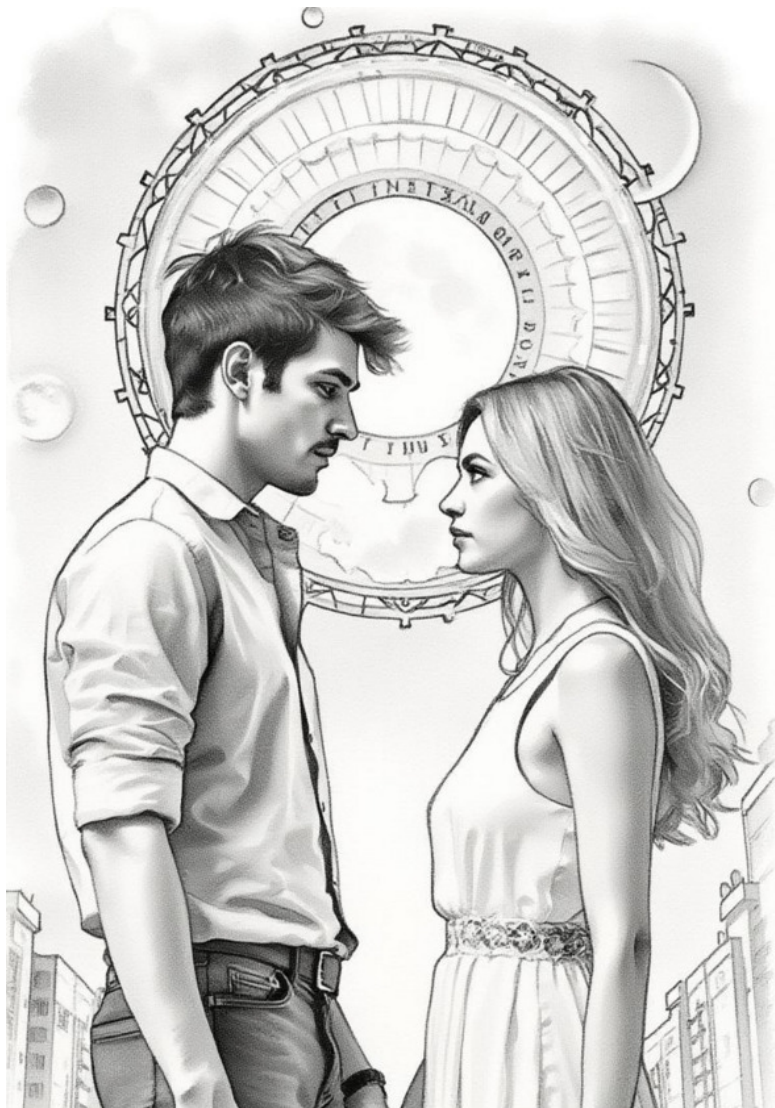
Перед светофором Сергей притормозил и в зеркале заднего обзора различил стоящую на углу Лену. Ее губы шевелились. Он готов был поклясться, что она шептала ему вслед: «Я тебя лю... Нет! Я боготворю тебя!».

Загорелся «зеленый», взревел могучий немецкий мотор... Видение исчезло...

Извилистая магистраль несла его домой.

Впервые в жизни обратный путь давался с невероятным трудом. Возмущенное Притяжение заставляло цепенеть руки и ноги, вызывало тошноту и спазмы легких, а раздосадованная Радуга норовила ослепить и исказить дорожные указатели, тем не менее, храня от аварии...

Метроном сердца возвестил смену темпа, а на пюпитре судьбы зашелестели листы с нотами сюиты под названием «Разлука». Оркестранты в сборе. Взмах дирижерской палочки... Скрипка, виолончель, клавесин, флейта и... кристальное сопрано Тоски.

Из зеркала на Сергея взирал близнец с ввалившимися воспаленными глазами, окантованными черными полусферами.

Оля была на работе. Он обрадовался возможности побыть одному в родных стенах, которые, как утверждают, должны помогать. За много километров от Лены неземная гравитация уже не вызывала мучительных ломок, но ежесекундно давала о себе знать покалываниями в груди где-то слева.

Горячая ванна и рюмка коньяка уняли дрожь в теле и головокружение, на скулах заплясал румянец... Балуя плоть, можно ненадолго ослабить душевные страдания. Совсем на чуть-чуть...

Он попробовал окончательно отвлечься чтением детективного романа, но любовные взаимоотношения главных героев были описаны столь поверхностно, что вызывали отвращение и неизбежное сравнение с всепоглощающей глубиной его собственных чувств, отчего воскрешалась ноющая боль, затравленная самовнушением.

Сергей набрал номер Андрея. Тот пребывал в заслуженном отпуске и коротал жаркие дни за компьютерными играми-стратегиями, а вечерами — ублажал свою похотливую натуру тем, что сам именовал «жестким флиртом». С тех пор как его бросила жена, он трансформировался — так счита-

ли многие! — в закоренелого охальника, замкнулся в себе, и лишь самые близкие люди знали, что глубоко внутри их друг по-прежнему остается альтруистом.

— Как поездка? Зазноба тебя хоть вспомнила?

— Не ерничай... Ты не занят?

— До заката еще уйма времени!

— Тогда жди — залечу на огонек.

Выйдя на улицу, Сергей поискал взглядом свою семицветную спутницу, но если она и изгибалась в безоблачном небе, то рассмотреть ее мешали колодцы высотных зданий.

— Погано выглядишь, донжуан! — Андрей был как обычно мрачно-веселым. — Рассказывай, куда завел тебя лукавый?

Гость поведал о событиях минувших суток, не опуская романтические подробности, типа предрассветной Радуги.

— Новая кровь... Виток жизненной спирали! Условно переспали, говоришь... — товарищ зацокал языком и подытожил: — Требуется оперативное вмешательство! Или... Есть шанс, что пациента реанимирует курс амбулаторного лечения! Заземлиться тебе надо, братец! В демонов ты не веришь, посему перевожу на язык материалистов: образовавшееся статическое электричество, угнетающее участки головного мозга, необходимо разрядить! Медная проволока, к сожалению, не поможет... Разрядиться допустимо двумя способами!

— Какими, если не секрет?

— Блондинка или брюнетка!

— Дурень ты! — Сергей беззлобно покрутил пальцем у виска. — Я тебе про Фому...

— погоди! Она тебя кинула, не так ли? Пре-да-ла! Стоит ли убиваться? А если твоя взыгравшая плазма жаждет чего-то большого и светлого, выбери себе объект поклонения в радиусе мили и по-тихому балдей от мимолетных встреч! И почему платоническую любовь возвели в ранг мерила безгрешности чувств? Не понимаю... Ведь Платон, воспылав страстью к женщине, тем не менее не отказался от своей сущности!

— Я завидую твоим способностям всё упрощать до предела!

— Зато ты стремишься к усложнению! — вспыхнул Андрей. — Ну было затмение... Пора очнуться! Show must go on⁴, как обожают говаривать англичане! На тебе ж лица нету! Кроме шуток! Ты отстраняешься ото всех. От меня... А я не хочу лишиться лучшего друга из-за какой-то абстрактной красоты! От Ольги... Прознав о твоём помутнении, она не простит тебе подобную измену. Это, брат, уже не рядовая сексуальная интрижка, а страшный грех! Короче... — Он сходил на кухню и вернулся с фужером, наполненным до краёв водкой. — Выпей и, наконец, очухайся! Будет мало — налью ещё...

Алкоголь вызвал обратную реакцию — нанес удар по рас-

⁴ (англ.) — Представление должно продолжаться!

судку. Сергею нестерпимо захотелось хотя бы увидеть Лену, он ощутил вкус ее губ, комната наполнилась запахом ее волос... Но он ничем не выдал себя. Раз уж его никто не понимает, зачем насиловать окружающих? Проще подыграть... Он глуповато ухмыльнулся и принялся рассказывать свежий анекдот. Андрей облегченно вздохнул и достал рюмку себе...

Оля на удивление спокойно прореагировала на явление пьяного мужа около девяти часов вечера.

— Как Москва? — только и спросила она, накладывая в тарелку успевший остыть ужин.

— Стоит... — Сергей пожал плечами. Это не было ложью. Разговор не клеился. Перед ним сидела молодая женщина — чужая и родная одновременно. Еще месяц назад казалось, он проживет с ней в согласии до старости. А теперь... Всё перевернулось! Осталось уважение, физиологическая привязанность, но звено цепочки, объединявшей два интеллекта, распаялось... Так малыш однажды обнаруживает, что любимые штанишки стали малы.

Их семейная идиллия, в течение четырех лет слывшая предметом зависти неудачливых в браке подруг жены, обращалась прахом. И именно он подталкивал к краю пропасти лелеянное годами согласие... Но сожаления не было! Притяжение не подчинялось никаким этическим нормам, потому что оно не было земным... Верность, измена, ревность — все

эти категории, загнанные веками в человеческие гены, блекли и гасли сразу же за пределами ионосферы. А там дальше царила покровительница Вечности — Бесконечность.

Перед сном Ольга решилась обсудить глодавшие ее несколько недель подозрения.

— Ответь, ведь что-то между нами не так? Ты полагаешь, я слепая? Или идиотка в розовых очках? — На ее реснице набухла капля слезинки. — Ты не был в Москве, угадала? Твой брехун-приятель тут ни при чем — он вешал мне на уши лапшу как заправский политик! — но... Я, повторюсь, не кукла! Назови это интуицией... В общем, чем хочешь... Но что-то ж толкнуло меня на поиски фактов? Я опустилась до того, что побывала на стоянке. С прошлого утра, будучи, кстати, в столице, ты намотал почти восемьсот километров! Маловато, если предположить поездку в оба конца своим ходом, и многовато для разъездов в пределах города! Ты завел любовницу?

На нее было жалко смотреть. Щеки покрылись угольными бороздками «поплывшей» туши, подбородок вздрагивал...

— Нет, — ответил Сергей, не потому, что стремился соврать, а оттого, что Лена никак не ассоциировалась у него с пошлым словом «любовница».

— Тогда выдай собственную версию... Не молчи! — Она все-таки разрыдалась, причитая: — Ты отдаляешься от меня... Вроде бы ты рядом, но мыслями неизвестно где... Может, я и вправду чокнутая неврастеничка? Но я чувствую,

что теряю тебя!

«Почему сегодня все твердят про потери? Словно подкралась необозначенная на календаре дата — День Утрат...» — подумал он, а вслух произнес: — В моей жизни появилась женщина, без которой мне очень плохо...

— Ты... ты влюбился? — Оля промокнула глаза тыльной стороной ладони и напряглась в ожидании признания, тождественного катастрофе. — Я так и думала...

— Это нечто большее. Сложно объяснить...

— А ты попробуй!

Сергей без утайки описал свое новое мировосприятие.

— Так, значит... Космические выси, созвездия... И кого при таком раскладе волнуют мои приземленные чувства? Они же вровень с почвой, чуть выше червей... Боже, какой эгоист! — Супруга скисла, но тут же встрепенулась и прохрипела: — Сволочь! — Звонкая пощечина взорвала нависшую на мгновение гнетущую тишину. — Я подозревала, что мужики — похотливые мерзавцы, но надеялась, что ты не такой! Чего тебе не хватало?

Не дожидаясь ответа, она схватила приготовленную на утро одежду и закрылась в ванной комнате, откуда появилась через четверть часа причесанной и накрашенной...

— Видеть тебя не желаю! — бросила она резко.

Выстрелом хлопнула входная дверь. Сергей не пошевелился. Ни раскаяния, ни угрызений совести он не испытывал. Лишь механическую обеспокоенность: «Куда же она в

такое позднее время?»

По телевизору транслировали футбольный матч, но он никогда не был заядлым болельщиком этого вида спорта. Как, впрочем, и других...

Покулив, он упаковал в сумку кой-какие вещи, взял документы и отправился ночевать к Андрею.

Друг, развлекаясь в обществе двух дам, был еще достаточно трезв, чтобы смекнуть, что к чему...

— Я тебя предупреждал! — Он развел руками. — Отныне ты предан анафеме. Даже если помириться, не простит до конца дней. Другое дело, переспал бы с какой-нибудь телкой... Похоть в малых дозах женщины допускают, но не измену сердцем.

— Верю...

— Да ты проходи! Чего мы шушукаемся в прихожей как ветхие эротоманы! — засуетился Андрей. — Барышень как раз пара. Комнат — две. Темненькая, кстати, тоже Елена! Уступлю. Не желаешь? Перефразируя пословицу: семь Лен — один хрен! Шампанское будешь?

Промолчав, Сергей вошел в гостиную и поздоровался. У этой самой Лены не было ничего общего с той, которую он боготворил, кроме имени. На диване восседало размалеванное создание с глуповатыми глазами, стройными ногами и пышной грудью. Но дело было вовсе не во внешности — под оболочкой из костей и тканей просматривалась недоразвитая душонка. Это не означало, что ее владелица — нрав-

ственная уродка, просто перед ним была заурядная серость. С недавних пор Сергей понял, что может видеть людей насквозь... Вторая, представившаяся Катей, тоже не вызвала у него никакого интереса.

Он поддержал бестолковый разговор, выдав с лёту какую-то прикольную побасенку, чем быстро завоевал симпатию девиц, но едва одна из них подседа поближе, отодвинулся, едва сумев скрыть брезгливость.

— Выдели мне раскладушку, — попросил он, когда маленькая стрелка на настенных часах уперлась в единицу, — расположусь на балконе.

— С кем? С Катюшей? — хмельно хихикнул хозяин. — Ох, уж мне эти романтики!

— Увы, сольная программа.

— Вах-вах, сударыня впадет в обиды...

— Можешь сказать, что я «из тех».

— А что они тогда подумают обо мне?

— Ничего. — Сергей усмехнулся. — Тогда представь меня импотентом... И докажи им, что сам не такой!

— Ладно, отдыхай... Утром нас не буди, а вечером — приходи. Тебя ж, я так понял, из дома выперли?

— Нет, сам ушел.... Но не исключено, что потолкаюсь у тебя несколько дней. Спокойной ночи!

Он долго лежал с открытыми глазами, пристально вглядываясь в темное небо с вкраплениями звезд.

«Они намного краше, когда на них смотришь сверху

вниз!»

Он мечтал о своей Елене Прекрасной, которую не удержал, не увлек за ту грань, где земное тяготение обнуляется, позволил поддаться на провокацию здравого смысла...

Магнит неподвластных чувств не ослаблял свою хватку, а призрачная Радуга безмолвно звала его за собой.

9

Через неделю пытка разлукой стала невыносимой. Измотанный бессонницей Сергей заметно осунулся — он ощущал, как Притяжение безжалостно высасывает из него физические силы, наделяя взамен сверхъестественными способностями душу: ему словно приоткрылось информационное поле Земли. Ведь изданные книги всего лишь отражали хаос, творившийся в умах авторов: труды философов призывали начихать на всех, водрузив на вершину мироздания Эго; религиозная литература витиевато провозглашала самоотречение... Но и на ином уровне накопленная тысячелетиями человечеством мудрость не содержала ответа на элементарный вопрос: «Что есть в этой жизни верно?». Истины просто не существовало, как не было абсолютного Добра или Зла. Осознанию это не поддавалось, но сын Века Высоких технологий упрямо требовал внятных разъяснений...

Кроме того, он натолкнулся на стену отчужденности и порицания со стороны привычного окружения. Когда тебя пе-

рестают понимать люди, которых всегда считал близкими, — это или симптом, или знак: либо заболел ты, либо остальные не одолели недуг, побежденный лишь тобой... Беда только в том, что независимо от диагноза большинство мнит именно себя в отличном здравии и начинает пичкать свежеиспеченного парию «лекарствами».

Гнев Ольги был закономерен. Однако почему взбунтовались родители и брат, почему начали осуждающе коситься прознавшие обо всем сослуживцы, а от лучшего друга веяло снисхождением, но никак не поддержкой?

Откуда столько обывательщины в их упреках? Бегай он от одной к другой или заведи содержанку, не было бы никакого ажиотажа. «Сорвался... Никто не застрахован... Значит, в доме не все ладно...» Зато нечто феерическое, но с мещанской точки зрения не уместяющееся в рамки нормального смысла, вызывало раздражение более яростное, чем поправление христианских заповедей. Убийцы, воры, предатели имеют каждый свою бирку. А какой ярлычок навесить на человека, бредящего радугами? Безумец... Достоин ли он милости, раз отважился на самый страшный грех — плыть против течения, не соглашаясь играть по утвержденным правилам?

Впрочем, он не вдавался в демагогию и никого не укорял. Его внутренний мир, вздернутый на дыбе рассудка, пропитался анестезией эмоций...

На восьмой день Сергей не сдержал данное Лене обещание и позвонил... Они не умели общаться словно тибетские

ламы, находясь на расстоянии друг от друга, но парень ощущал, что без него ей ничуть не легче, чем ему без нее.

Ее сотовый телефон был «выключен или вне зоны доступа». Тогда он решился набрать номер домашнего.

На просьбу пригласить Елену ответил ровный мужской голос:

— Вы, надо полагать, тот самый Серёжа?

— Да. Меня зовут именно так...

— Послушай, — говоривший на другом конце «провода» перешел на «ты», — оставь нашу семью в покое! Не бери Алёнке душу! Понятия не имею, чем ты ее околдовал... В общем... Ради Христа, отвяжись! Исчезни из нашей жизни! Или каким языком тебе объяснить? Обложить матом? Но ты же, судя по всему, не дебил! Договорились?

— У нее всё в порядке? — По проводам неслась тревога.

— Всё превосходно! Надеюсь, ты меня понял?

Линия разъединилась, но посланная из другого города волна смятения окатила Сергея с головы до пят.

«Ей плохо! Боже, ей намного хуже, чем мне!»

Тогда он воспользовался ведомственным справочником — все-таки они работали в филиалах одной организации! Но снявшая трубку тетка раздраженно сообщила, что Елена Владимировна с понедельника в отпуске...

Сергей, сам до конца не осознавая почему, запаниковал. Позвонить еще раз ее натужно вежливому мужу? Бесполезно... Надо ехать!

Это была не прихоть — его звала на помощь та, которая совсем недавно умоляла уйти.

Улаживание формальностей заняло весь вечер и следующее утро — обычно сговорчивый начальник никак не хотел предоставить все накопившиеся отгулы сразу, но, тем не менее, в итоге сдался...

Пока американские граждане еще поднимали бокалы, празднуя последние минуты Дня Независимости, Сергей покрывал километры дороги, уводившей его к боготворимой им женщине. Но странно: Притяжение никак не реагировало, то есть оно оставалось на прежнем уровне...

Въехав в город, он направился напрямик к дому Лены.

«Будь, что будет!»

Однако следившая за траекторией его передвижений Радуга не закручивалась в спираль... Сергей вбежал на третий этаж и утопил кнопку звонка на искомой двери...

Никаких признаков состояния, близкого к невесомости. Только бешено колотилось сердце, да предательски подгибались в коленках ноги...

Никто не открыл... Сергей устало опустился на грязные ступеньки. Он понимал, почему не распахиваются врата измерений, постижение этого пришло раньше, но всё его существо отказывалось верить: Лена куда-то уехала!

Его спеленал страх. Не обычная человеческая боязнь потери, а космический ужас! Если они не будут вместе, Притяжение убьет их — каплю за каплей выпьет из них жизнь,

но и после этого не позволит душам соединиться! Покарает заслушание...

Две реки, слившись в одну, могут донести свои воды через пустыню к морю, но стоит развести их русла — они обратятся ручейками и высохнут до дна...

Тупик. Люди сначала загоняют себя в ловушку безысходности, а потом начинают пенять на невинного правителя — Его Величество Случай, забывая, что сами же и напихали палок в колесо собственной Фортуны...

Парень просидел на лестнице до утра. Он пытался определить сторону света, куда следует поспешить, но связующим двоих звеном являлось Небо, и незримый канат, соединивший души, тянулся вверх...

Увы, пространству неведомы чисто земные понятия, такие как юг или север...

Продежурив следующие сутки у подъезда, он осознал бессмысленность своего занятия и вернулся домой... Лена была одинаково далеко и от его родного города, и от своего. Сергей ощущал это по тому, сколько сил отнимало ненасытное Притяжение, где бы он ни был. Не скупясь, он питал сей алчный магнит своей энергией в надежде сберечь лишнюю крупинку жизни в той, которая, сама того не подозревая, рассердила Радугу противоречащей природе явлений рассудительностью. При его непосредственном содействии.

К концу июля Сергей поймал себя на мысли, что дни его сочтены. Отработанный материал плоти свезут на именуемую кладбищем свалку, а сгусток интеллекта обретет беспокойное одиночество в Бесконечности...

Годами не вспоминавший даже про насморк мужчина основательно слег в постель — учуяв легкую добычу, на истерзанное Притяжением тело накинута чередой болезни. Он похудел до неузнаваемости, каждый вздох отдавался шумом в голове... Лишь на бледном изможденном лице по-прежнему горели загадочные факелы глаз.

Врачи настаивали на госпитализации и полном обследовании, но умирать в больнице не хотелось.

Забеспокоилась родня, запамятав причину недавних раздоров. Заметался в поисках диковинных медикаментов лучший друг. Потянулись делегации коллег по работе...

Вокруг него витала атмосфера досрочных поминок.

Заходила даже Ольга. Всплакнув, она призналась:

— Я не серчаю на тебя. Первое время бесилась, а теперь — нет. Ты прав: жизнь не завершается этапом, кажущимся пределом мечтаний. Счастье — остановка, а отпущенное время — поезд, уносящий нас к другому пункту назначения... Если решил остаться, то, считай, «Конечная». Тлен! Сверкающие вагоны растают вдали, а в следующем составе уже не будет свободных мест... Удивлен?

— Я рад за тебя! Чтобы уяснить это, требуется муже-

ство... — Сергей вымученно улыбнулся. — Прости, что я не сдал свой билет...

— Оказывается, мой тоже пылился в кармане... Его зовут Рома! — Произнеся это имя, она расцвела. — Забавные вещи иногда вытворяет судьба... Главное — поправляйся!

Тянулись бесцветные дни. Больному становилось хуже и хуже. Разуверившийся в могуществе антибиотиков Андрей притащил наконец какого-то то ли шамана, то ли колдуна. Посмотрев на пациента, специалист по белой магии разинул рот, но не от того, что подобного поведения требовал имидж:

— Такого явления я еще не наблюдал... — пробормотал он. — Да, аура у некоторых разрушается — становится пористой или даже дырявой... Но словно рассеченной пополам... Никогда не встречал описания даже в древних фолиантах! Надо посоветоваться с коллегами в интернете...

Когда кудесник покинул квартиру, Андрей опустил на корточки, сжав ладонями виски.

— Серый, я поначалу потешался над тобой...

— Возможно, на твоём месте я бы поступил также! Не делай траурную физиономию, пожалуйста, и не глазей на меня как на мертвеца! Вдруг болезни и прочее — испытание на прочность чувств? Ведь угробив хотя бы одного из нас, Притяжение убьёт тем самым и себя... А?

— Быть может, привезти Лену сюда? Думаю, не откажется, узнав, что ты ум... то есть, неважно себя чувствуешь!

— Ей еще хуже, чем мне... Во-первых, она слабей, во-вто-

рых — меня сейчас питает понимание близких людей. Позднее с их стороны, но всё же прозрение! А Ленка лишена даже этого... Ее спасают микстурой из любви и порицания. К сожалению, любовь иногда — яд! — Сергей закашлялся. — Кроме того, я не знаю, где она... Я бы был уже там! Она не дома... Мы уничтожили в себе веру, что рано или поздно будем вместе, и тем самым разбудили небесного Вампира, отмерившего нам не так уж много дней, чтобы воспользоваться шансом и всё исправить.

Оставалось ждать, пристально вглядываясь в расплывчатые очертания будущего.

11

Чей-то ранний звонок в дверь вырвал Сергея из вязкой трясины забытья. Он категорически возражал против добровольных сиделок, готовых бдеть его покой с вечера до утра, поэтому ночевал всегда один.

Часы показывали без четверти шесть. «Кто бы это мог быть?» У родителей, брата и Андрея были собственные ключи...

На пороге стоял пожилой мужчина с тревожным взглядом.

— Прошу прощения... Мне нужен Сергей Николаевич...

— Это я. — Он уже понял, что перед ним отец Лены. — Проходите...

— Меня зовут Владимир Иванович. Дело в том... — замялся посетитель. — Вы, заметно, тоже болеете...

Парень пошатнулся. Его словно пронзили тысячи иголок — это долетело Ее послание, искаженное немymi криками отчаяния человека, у которого агонизировала дочь.

— Где она? — Сергей ощутил сокрушающий недуг прилив энергии.

— В кардиологическом центре, в реанимации... С прошлого утра почти не приходит в сознание... Я дал Ленусе слово, что не вернусь без Вас! Игорь был против, но...

Слушать гостя дальше не имело смысла. Натянув тенниску, он схватил ключи и потянул за собой отца Лены.

— Скорее! По пустой трассе доберемся часа за два с половиной!

Мощная машина, игнорируя знаки и камеры, неслась вперед настолько быстро, насколько позволяло дорожное покрытие. Водитель не боялся, ведь их путь освящала хранильница-Радуга.

— В начале июля Леночка расхворалась, — рассказывал пассажир. — Доктора пеняли на нервы... Не удивительно! И как у Вас хватило совести забрать ее той ночью? Лена пыталась объяснить Ваши с ней не влезающие ни в одни ворота отношения... Как по мне, так — полный мрак! Вообще, после того как она вернулась с учебы — вы же там познакомились? — ее словно подменили... Мы перестали понимать друг друга...

— А Вы пробовали?

— Молодой человек, я прожил трудную жизнь... Всякого вкусил — и голода, и холода... Войну помню, хотя тогда пешком под стол ходил. Но, убейте, не верю я в весь этот вздор про половинки, которым быть вместе предписано звездами! Книжки про такое могу почитать. Фантастические романы... Мы с ее матерью тоже не всегда в ладу жили: загуливал я, признаюсь, разок-другой по молодости... Скандалили и мирились. Возвращался-то к ней! Допускаю, и у нее отыщется за душой грешок. Видная была девка, могла дать слабину втайне от мужа... Однако, пеклась за детишек! Я бы простил, если честно! Но стервеца, вроде тебя, пожелавшего заморочить ей мозги, удавил бы без сомнений! Пресыщенная нынче молодежь, вот и извращаетесь от скуки...

— Спорить не стану... — Сергей прикурил сигарету. — Мы действительно принадлежим разным поколениям, но проблема даже не в том... Если африканцу из дикого племени поведать про снег, он искренно сочтет рассказчика лгуном. Личный опыт — всего лишь крошечная точка на полотне бытия... Простите, не люблю бесполезную трепотню! Трактуйте мои слова, как заблагорассудится!

— Можно и мне папироску? Десять лет как бросил... — Он жадно затянулся. — Теперь я немного понимаю, чем Вы подкупили Алёнку... Первозданной непосредственностью!

— Не хочу показаться грубым, но давайте оставим в покое психоанализ! Она куда-то уезжала?

— Да, мы всем семейством рванули на море... Игорь стремился оградить Леночку от контактов с Вами, кроме того терапевт посоветовал ей сменить климат. Да и Дашеньку не мешало закалить перед новым учебным годом... — Он горестно вздохнул. — Там ей стало совсем худо. Три раза вызывали «Скорую», потом медики настояли на стационаре... Без толку! Приборы наперебой фиксировали то микроинсульт, то микроинфаркт... Плюс странная вирусная инфекция... Наконец тамошний главврач признался, что надежды на выздоровление никакой, и разрешил перевезти ее домой... Говорят, ей осталась от силы неделя... — По старческим щекам покатались крупные горошины слёз. — Она все время зовет Вас и дочурку... За что мне такое наказание?

— Эскулапы ничего не смыслят в процессах, происходящих в душе! — В голосе Сергея таилось столько уверенности, что к опечаленному родителю вернулась вера. — Она будет жить!

Вот уже замелькал пригород. Потом потянулись окраинные новостройки... На сей раз Притяжение управляло даже машиной — не спрашивая про маршрут, Сергей уверенно ориентировался на незнакомых улицах...

Вскоре перед взором всплыл серый айсберг кардиологического корпуса.

— Вас могут не пустить, — предупредил Владимир Иванович. — У них тут строгие порядки...

— Не посмеют! — Сергей запарковал машину в неполо-

женном месте и, заглушив мотор, поторопил: — Пожалуйста, пойдемте скорее!

Действительно, их никто не остановил, не потребовал белого халата и сменной обуви. Они беспрепятственно попали в плохо освещенный тоннель реанимационного отделения.

Возле одной из палат на убогом топчане приютились двое взрослых и ребенок — худенькая девочка с большими глазами, в которых затаилась по-детски неосознанная тревога за мамочку и вместе с тем желание поиграть с подружками, а не сидеть в пропахшей лекарствами больнице.

«Как она похожа на мать!» — промелькнуло в голове у Сергея.

Он выдержал неприязненный взгляд молодого человека — судя по всему, супруга Лены. Женщина же в годах просто кивнула на приветствие. Ее взор не искажала неуместная враждебность, а лишь волнение за дочку.

— Леночке лучше! — поспешила сообщить она. — Пришла в себя и даже попросила покушать...

Сергей молча направился в палату.

— Куда ты поперся? — зашипел Игорь. — Неужели...

— Заткнись! — оборвал он его грубо, так как этикет в данной ситуации не имел ровным счетом никакого значения, и скрылся за дверью.

Медсестра колдовала над приготовленной капельницей... С казавшейся непомерно большой кровати на вошедшего смотрела бледная девушка, укрытая, невзирая на жару, по

самый подбородок одеялом. Провалившиеся щеки, заострившийся носик...

— Ленка! — Он упал на колени и сжал ее слабую руку.

И чудо свершилось! Ливень космической энергии напоил их изможденную плоть, а души наконец-то обрели невесомость и ослепительными кометами взвились вверх, преодолевая парсек за парсеком...

— Сюда нельзя! — закричала было медицинская работница, но зачарованно замерла по центру комнаты, оказавшись свидетельницей небывалого таинства.

Пространство разверзлось, сделалось на время осязаемым. Стало возможным потрогать крупинки далеких планет, погладить горячие комочки галактических солнц... Двое людей, соединившись, обретали ниспосланное им свыше могущество... Именно предложенное, а не навязываемое! Они могли отказаться от этого дара, но альтернативой была смерть.

— Серёженька! — Лена с легкостью села. — Ты больше не оставишь меня? Я не хочу тебя потерять! Какой я была глупой, прогнав тебя!

— Теперь я всегда буду рядом! Всегда! Я боготворю тебя! Мы прогневали Высшую Силу, но добьемся прощения!

Он принялся осыпать поцелуями ее обтянутое пергаментом кожи лицо, плечи, шею...

Профессиональная ответственность у наблюдавшей эту картину медицинской работницы все же одержала победу

над чувством умиления.

— Ей запрещено вставать! — нерешительно вымолвила она. — Мужчина, покиньте помещение! Меня ж уволят! Тут не дом свиданий...

— Не уходи! — взмолилась больная. — Пусть он побудет рядом, ладно?

— Лягте, Вам лучше не нервничать! Подскочит давление... А молодой человек никуда не денется — обождет за дверью. Вам же необходимо поспать! — Обладательница белой униформы ловко проткнула ей иглой вену. По трубочке потекла бесцветная жидкость...

— Я просто подержу ее за руку! — воспротивился Сергей. — Это не причинит вреда!

— Поймите, я же не врач!

Лена погрузилась в принудительный наркотический сон.

— Она проснется часа через два, — сказала шепотом медсестра. — Кажется, дело движется на поправку... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Сегодня ей во много крат лучше. Уж не знаю, кем Вы ей там приходитесь, но воздействуете благотворно! Впрочем, состояние переменялось до Вашего вторжения. А теперь топайте! — В ее голос вернулась сталь и ворчливость. — Куда катится мир? В трех метрах от законного мужа кипят фатальные страсти...

В коридоре Сергея поджидал семейный совет. Агрессивней всех был настроен Игорь:

— Всё! Просьбу Алёны доставить тебя сюда мы выполни-

ли... Но торчать здесь ты не будешь! Врубился?

— Остынь... — он попытался воззвать к рассудку огласившего приговор. — Лена погибнет, если меня не будет рядом! Если любишь ее, а не просто тешишь свое ущемленное достоинство, то прислушаешься к тому, что подсказывает сердце!

— Языком ты трепать умеешь! Поэт драный...

Неожиданно Игорь замахнулся и нанес Сергею сокрушительный удар в челюсть. Ослабленный болезнями парень отлетел к противоположной стене, но даже не ощутил, как хрустнули два выбитых зуба, а по подбородку побежала струйка крови...

Поднимаясь, он не испытывал ненависти к разъяренному супругу — скорее нечто схожее с жалостью.

— Папа, папа! Не бей его! Разве ты не видишь, что он добрый и хороший? — расплакалась маленькая Даша. — Не прогоняй его! Мама не выздоровеет, если он не останется!

— Ты в своем уме? — взбеленился ее отец. — Может, хочешь, чтобы твоим папашей стал этот проходимец? Ну?

Ребенку досталась звонкая оплеуха, что вызвало шквал негодования со стороны бабушки с дедушкой. Но, не обращая ни на кого внимания, Игорь повалил на пол соперника, попытавшегося защитить девочку от очередного тычка, и, пнув ногой в бок, поволок его к выходу...

Потерявший сознание Сергей очнулся на усеянном окурками крыльце. Голова гудела. Можно вернуться, но не драть-

ся же в стенах заведения, где люди борются со смертью?

Он остро понимал, что Лену нужно спасти! Она поверила ему. Должен быть выход! У любой задачи есть решение! Раз не смог сдержать обещания находиться всегда рядом, он обязан освободить её... Но как? Выкрасть, выломав на окнах решетки, и увезти с собой? Чепуха...

И вдруг его осенило: «У Притяжения есть враг — скорость! Даже многотонные ракеты справляются с земным тяготением и уносятся в космос! Я тоже попробую обмануть наш магнит! Стоит лишь разорвать гравитационные оковы, Лена не угаснет! И я тоже продолжу жить!»

Он вставил ключ в замок зажигания, и тут Притяжение словно догадалось о его намерениях: руки и ноги схватила судорога, взор затуманился...

— Испугалось? — расхохотался Сергей. — Кто кого? Пари? Какова твоя ставка?

Сцепление... Газ... Передача... Оставив на асфальте черные следы от шин, машина сорвалась-таки с места и понеслась в сторону объездной...

Горло сжимала не прощупываемая пальцами петля, в спину впились невидимые багры, едкий пот норовил выжечь зрачки... Парень дотянулся до магнитофона и включил на полную громкость кассету с рок-н-роллами. Любимая музыка детства немного заглушила нарастающую боль.

Казалось, что струна дороги вибрирует. Неистовая сила влекла его назад... Наверное, именно так заколдован-

ные камни притягивали персонажей сказки про Волшебника Изумрудного Города?

— Не сдамся! — твердил он как заводной.

Стрелка на спидометре уперлась в крайнюю отметку, двигатель стонал поршнями...

Притаившийся в кустах инспектор дорожной службы перекрестился, различив комбинацию цифр на радаре, и даже не успел взмахнуть палочкой, когда мимо просвистел метеор иномарки. Впрочем, Сергей, если бы и заметил милиционера, на этот раз подчинился вряд ли.

Он ощущал, что точка разрыва близко. Вон там — за тем мостом! Осталось совсем чуть-чуть! Радуга уже начинала отставать...

Почему выбор пал на них с Леной? Он так и не постиг эту тайну. Он лишь знал о внезапном происхождении Притяжения и о том, что любовь — его тень, страсть — случайное к нему прикосновение, а ненависть и ревность — его лучи, пропущенные через призму человеческой ограниченности, невежества и скудоумия...

Да, в глубине сознания предательски копошились сомнения: «Чушь! Ты — разрушитель! Ты предал жену! При этом, разве кого-то сделал счастливым? Себя или свою избранницу?»

Впереди показалась колонна грузовиков. Они неторопливо ползли к пункту своего назначения, не ведая, что перекрывают чей-то путь к спасению. Сергей запаниковал: об-

гонять эту железную гусеницу, беспросветно растянувшуюся на сотни метров, было самоубийством! Забеспокоилось и Притяжение, стремясь уберечь своего подопечного от рискованного шага — оно пронзило его позвоночник раскаленным шомполом, пытаясь заставить конвульсивным движением утопить педаль тормоза.

— Ах, ты так!? — Отчаянная улыбка исказила его лицо.
— А что скажешь на это?

Он переступил порог боли, инстинкта самосохранения и, автоматически включив сигнал поворота, пошел на обгон, нарушив все мыслимые правила дорожного движения: пересек на подъеме перед мостом сплошную белую линию, превышая допустимую скорость в пять с лишним раз!

Шоферы тяжеловозов загудели клаксонами, упреждая об опасности. Этот тревожный гимн сжал мир Сергея до размеров телеэкрана: по узкой полосе на него лоб в лоб несся черный «Мерседес»...

Что-либо предпринимать было уже бесполезно, расстояние неумолимо сокращалось. Уже различались полные ужаса глаза водителя встречного автомобиля...

«Он ни при чем! Случайный человек в этой гонке! Притяжение не должно причинить ему вреда!»

В голове Сергея зазвучали тысячи мелодий, заглушая буги-вуги Чака Берри, колесо обозрения Памяти подбросило его на свой пик, откуда открывалась панорама прожитых лет...

Ему не было страшно, не было и сожаления. Краткие прогулки по закоулкам Вселенной... Они стоили обозначенную цену!

Чудовищным напряжением воли он переслал Лене свободный остаток своих сил, а в миг, когда столкновение уже казалось неотвратимым, из последней мочи крутанул руль влево: покорная машина, сметая ограждение, увлекла владельца в Вечность...

Виртуальный канат Притяжения лопнул, а рассыпавшиеся семь стрел Радуги оттолкнулись от тетивы горизонта и взметнулись в бездну небес...

За минуту до аварии в одной из палат кардиологического центра сустились люди в белых халатах.

— Клиническая смерть! Приготовиться к реанимации!

Чеканя каждое слово, заведующий отделением самолично отдавал указания... И вдруг казавшаяся безнадежной пациентка задышала без посторонней помощи. Ее начавшие синеть губы заалели, на щеках проступил слабый румянец.

— Пульс в норме, отчетливый... Давление стабилизируется... Зрачки реагируют на свет... — забормотала удивленная медсестра.

Все смолкли, таращась на необычную смертницу, которая смотрела сквозь присутствовавших осознанным взглядом. Слез не было, но каждый понимал, что она плачет, повторяя как заклинание:

— Серёженька! Что же мы с тобой натворили...

Врач промокнул рукавом испарину, выступившую на висках, и вышел к родственникам.

— Кризис миновал... Она будет жить еще очень долго! — сказал он под диктовку внутренней уверенности, не поддающейся научным объяснениям. — Не всякий рождается под такой счастливой звездой!

В ту секунду, когда изуродованный «BMW» Сергея завершил последний, одиннадцатый переворот, за несколько меридианов от места катастрофы угрюмый молодой человек, коротая время стоянки поезда на забытой Богом станции, сошел на перрон, чтобы подышать свежим воздухом.

— У Вас не найдется спичек? — обратилась к нему бойкая девчонка, отколовшаяся от вывалившей из соседнего вагона компании. — Мне нужна именно спичка, а не зажигалка!

Их взгляды встретились. И двое почувствовали, как вдруг что-то случилось с привычным гравитационным полем — земля безропотно ослабила свое тяготение, а в небе причудливо выгнулась видимая лишь избранным Радуга...

Их взгляды встретились. И двое почувствовали, как вдруг что-то случилось с привычным гравитационным полем — Земля безропотно ослабила свое тяготение.

А в небе причудливо выгнулась видимая лишь избранным Радуга...

Конец

Июль, 2000

Окно

1

Максим Денисов сидел на подоконнике и беспрестанно курил. В жестяной банке из-под пива, приспособленной под пепельницу, покоилась смердящая горка бычков. В приоткрытую форточку влетал свежий майский ветерок, пропитавшийся тошнотворным запахом пищевых отходов из не вывозимого четвертые сутки мусорного контейнера. И это — на шестом этаже! Оставалось только гадать, какая вонь царит в нижних квартирах и во дворе. Впрочем, качество вдыхаемого воздуха не мешало двум мамашам выгуливать своих отпрысков, мужичку копать в двигателе «девятки», а стайке малолеток играть в карты за кособоким столиком. Но Максим не видел всего этого и не обращал внимания на тяжелый дух. Его взгляд упирался в условную точку пространства, чуть выше макушки совсем недавно распустившегося клена. Мир вокруг был чужим, мир внутри него — не менее чужим...

Здесь он поселился недавно. Месяц назад. Или два? В прихожей до сих пор были свалены коробки с не разобранными вещами, отвернутые экранами к стене телевизор и монитор покрылись внушительным слоем пыли...

Клетка, состоявшая из небольшой комнаты, кухни, ван-

ной и туалета. Теперь это место на окраине города называлось его домом.

Раньше он жил в центре, а комнат было три. Но тяготило не количество квадратных метров, и не то, что прежние соседи звали его с детства по имени, а нынешние не признавали даже друг друга, столкнувшись нос к носу. Причиной депрессии была Ирина, женщина, скомкавшая его душу, словно клочок бумаги...

Максим любил ее. Наверно, до сих пор. Как она могла поступить с ним так жестоко? Предать, бросить, растоптать, обокрасть...

Они расписались в сентябре, а уже в канун Нового года она спокойно заявила:

— Я поняла, что мы не подходим друг другу. Извини, конечно, но я встретила другого... Мы совершили ошибку. Я же предлагала тебе пожить хотя бы год гражданским браком, так? Ты не согласился... Но ничего. Детей у нас нет, претендовать ни на что не стану. Просто уйду.

Он умолял ее одуматься. Она же безжалостно ушла. Бросила. Растоптала.

Этот удар сокрушил его. То, что впоследствии Ирина отсудила половину завещанной ему бабушкой квартиры, в которую он сам же внес свою супругу совладелецей, уже воспринялось лишь уколom в сравнении с трепанацией черепа. Развод, размен, разъезд... Калейдоскоп серых дней. Больше года!

Но время не лечило. Денисов буквально физически ощущал, как всё глубже погружается в непрозрачную капсулу отчаяния. У еды постепенно пропадал вкус, у одеколона — запах, у неба — цвет... Умом он понимал, что близок к помешательству, но сил держать себя в руках хватало лишь на работе. Остальное время пожирала тупая боль в области сердца и короткий вязкий сон.

В, казалось, совсем недавно начатой пачке оставалось три сигареты. Колодец двора плавно погружался во мрак. Ночь неспешно выбивала высоткам зубы светящихся окон. Во-ем сигнализации переругивались запаркованные у подъезда машины, где-то скулил телевизор... Заглатывая очередную порцию нечистот, ворчала канализационная труба, хлопали двери... Цивилизации неведома тишина.

Максим не замечал ничего. У него было много похожих вечеров, пустых и безрадостных. Он мог бы стать свидетелем двух драк, угона автомобиля и несметного количества прощальных поцелуев... Мог бы. Если бы его взгляд не был обращен в никуда.

Но сегодня он вдруг прозрел. То ли в голове сработал виртуальный таймер, защищавший от чрезмерной перегрузки нервную систему, то ли слишком ярко вспыхнули лампочки в квартире дома напротив. Его зрачки пришли в движение, а изголодавшийся мозг мигом впитал образ незнакомки.

Хотя их разделали стекла и не меньше трех десятков метров, девушка была как на ладони. Потянувшись, она сня-

ла блузку, затем — бюстгальтер, размяла затекшие груди... Оставаясь в одних трусиках, принялась стелить кровать. И лишь после этого погасила люстру и включила ночник.

Денисов еще полчаса таращился в полутьму. Очевидно, девушка легла не сразу, а еще приняла душ. Несколько раз, как ему показалось, он различал движущийся силуэт. Но вскоре и едва обозначенный квадрат окна слился с черной стеной.

Парень почувствовал, как по его спине сбегает крупные капли пота. Ладони были влажными. Внизу живота ощущалась приятная боль... Мир вновь обретал плоть! Во рту отчетливо проступила табачная горечь, уличное амбре всколыхнуло обоняние, затекшая нога отозвалась неприятной судорогой, мочевого пузыря потребовал высвобождения...

Но главное — голод. Максим успел подзабыть, когда последний раз ему хотелось есть. Почти полгода он питался только потому, что понимал необходимость этого процесса, и то восполнял калории преимущественно крепким кофе.

Холодильник был безнадежно пуст, но в хлебнице сыскался черствый кусок батона, а в шкафчике — початый пакет макарон. Поздний ужин дополнила чашка чая.

Он принял ванну и даже почистил зубы. Часы показывали начало четвертого утра. Пора было спать, ведь завтра на работу.

Однако сон долго не шел. Максим беспрестанно прокручивал в памяти свое видение. Чем привлекло его короткое

наблюдение за раздевавшейся женщиной? Ответа на этот вопрос он не знал. И видел-то ее издалека и не ниже бедер. Причем, довольно смутно. Во всяком случае, разглядеть ни черты лица, ни форму груди было невозможно. Даже цвет волос варьировался от светло-русого до каштанового. Тем не менее, фантазия упрямо рисовала обольстительную красавицу.

И... впервые за много месяцев он не вспоминал про Ирину.

Проснувшись, как обычно, очень рано, Денисов битый час вглядывался в примеченное ночью окно. Безрезультатно. При свете дня оно обратилось зеркалом, и подсмотреть жизнь в зазеркалье он не мог.

После работы Максима обуяла жажда деятельности. Заниматься наблюдением до сумерек не имело смысла, поэтому, убивая время, он наконец-то разобрал вещи, вымыл посуду, сходил в магазин за продуктами. Также привел в порядок телевизионную панель и собрал воедино части компьютера.

Но как только с крыш домов исчезла позолота солнечных лучей, немедленно, занял свой пост.

Сегодня он запасся биноклем. Мощным, военного образца. Подарок отца на пятинадцатилетие. Незаменимая вещь при походе на рок-концерт, особенно когда сидишь на галерке. Штука малость громоздкая, но зато с фантастической оптикой!

Парень принял к окулярам. Планировка квартиры была точь-в-точь как у него. Из мебели в комнате различался фрагмент обшарпанной «стенки», а на кухне — белый бок холодильника и навесной шкафчик. Убогая малогабаритная конура, но оба ее окна выделялись на фоне сотни других отсутствием штор. Точнее, они были, но не по подобию театрального занавеса, а тюлевые, к тому же стянутые от центра

к краям на манер арки.

Довольно давно Денисов пришел к выводу, что плотные тяжелые шторы — порождение советской эпохи. С 30-х годов 20 века они выполняли защитную функцию. Запуганные люди стремились отгородиться друг от друга, хоть на время изолировать себя от внешних атрибутов строя, от глаз обозленных соседей, готовых сообщить про любой твой подозрительный шаг в НКВД, от воров, способных покуситься на запримеченный серебряный подстаканник... С 60-х необходимость прятаться осталась только у жуликов и диссидентов, но темная материя прочно обосновалась на карнизах на много поколений вперед. По инерции. По причине генетического страха. И она властвует до сих пор!

Максим не возражал против прозрачных гардин, — без них неудобно, но с детства презирал темные портьеры. А еще его раздражали кухонные занавески. Из тех, что на веревочке, закрепленной по центру рамы. Они напоминали ему стекла общественных сортиров, закрашенные до середины белой краской.

Хозяйка объявилась в начале одиннадцатого. Переодевшись вне поля зрения в халат, сразу же принялась готовить ужин. Пока она возилась у плиты, у Денисова была возможность изучить ее лишь со спины. Не худая, но и не толстая. Волосы русые. Прическа по типу каре...

Зато есть она села к нему лицом. И он не разочаровался. Внешность девушки была приятной. Возраст же опреде-

лил интервалом «от двадцати до тридцати». Четкой картины хваленый бинокль все-таки не давал...

Вымыв посуду, незнакомка пошла в комнату, чтобы посмотреть телевизор. Это Максим определил по серо-голубым бликам. Переключая кнопки пульта дистанционного управления, он вычислил, какой она предпочла канал, — тот, на котором транслировали какую-то низкопробную мелодраму.

Фильм она не досмотрела. Зажгла люстру, скинула халат и, не снимая бюстгальтера, ушла в ванную. Вернувшись, сразу же погасила верхний свет. Максим выждал еще полчаса и понял, что девушка легла спать.

Выпив стакан минеральной воды, он обулся и совершил короткую прогулку в дом напротив, где без труда вычислил номер нужной ему квартиры. Двадцать семь. Он решил, что это хороший знак. Ведь две недели назад ему исполнилось столько же лет! Еще отметил тянувшиеся к входной двери провода: двужильный бледно-розовый, свидетельствовавший о наличии стационарного телефона, и тонкий серый кабель интернета...

В распечатанной после обеда пачке «Бонда» оставалось непривычно много сигарет — двенадцать.

сом, не сложно. Тем более для ведущего инженера ГТС, в должности которого работал Денисов. Он даже умудрился отыскать договор, в графе «абонент» которого значилась некая Волошина Валерия Михайловна. Впрочем, ею могла быть мать девушки или, если жилье сдавалось в наем, владелица квартиры.

Отпросившись пораньше с работы, он долго колдовал возле коммутационного шкафа, но с задачей справился: теперь он мог прослушивать переговоры незнакомки. Зачем? Этим вопросом молодой человек пока не задавался.

За вечер ей пытались дозвониться трижды, но трубку никто не брал.

А кто станет звонить в эпоху мобильной связи на стационарный аппарат? Разве что родители, желающие удостовериться, что их дочь дома.

Максим заступил на свой условный пост в десять. Окна оставались темными еще девять минут...

Сегодня она пришла не одна. С подругой. Это стало ясно, когда громкоговоритель, подключенный к чужой линии, ожил:

— Мам, привет! Я тут забежала на полчаса к Лерке...»
— сообщил молодой голос.

— Ань, ты ж недолго! Район там криминальный... И тебе завтра рано вставать! — напутствовал заботливый женский голос.

— Конечно, мамуль! Вызову тачку. Ложись спать.

— Можно подумать, усну... Учти, я волнуюсь!

— Хорошо, пока!

Итак, незнакомка обрела имя и фамилию. Зашедшая к ней в гости Анна Максима не интересовала. Пока подруги пили вино, он, не отрываясь, таращился в бинокль лишь на Валерию.

В половину двенадцатого гостя ушла... Около полуночи позвонила какая-то Юлия.

— Привет! Набирала тебе на сотовый, но он недоступен...

— На ночь включаю режим «В самолете»...

В пустой болтовне приятельниц мелькнула любопытная деталь:

— ...видела на днях твоего бывшего. Прогуливался с какой-то лялькой под-ручку. Как тебя угораздило выйти замуж за такое дерьмо? Только по бабам бегать и умеет. Ты умница, что развелась! Кобель — это хроническое заболевание. Обидно, что с хатой так получилось... Твои предки за нее горбатились, а этому уроду обломилась пусть «хрущевка», но зато на хояву!

— Юль, давай не будем об этом. Я только начала оживать после всех этих дрызг...

Максима словно током ударило. История Леры была очень похожа на его собственную.

«Быть может, это знак судьбы?»

Но к числу фаталистов он себя никогда не относил. Значит, случайность. И все же, от совпадения веяло мистикой.

Договорив, девушка несколько секунд баловала наблюдателя видом голой спины, после чего свет погас...

Засыпая, Денисов представлял, как невидимкой находится у нее в доме, как она, не подозревая о его присутствии, снимает кружевное нижнее белье, нежится под душем, намыливает точеную шею, изящные плечи, упругие ягодицы... — Мысли о близости вызвали учащенное сердцебиение и чудовищную эрекцию.

Он решил, что будет действовать: познакомится, очарует ее... Но для начала узнает о ней побольше. Ошибку с Ириной повторять нельзя!

4

За несколько вечеров он натер себе окулярами красные кружки возле глаз. Болезненные и некрасивые. Благо, впереди были суббота с воскресеньем, — достаточно времени, чтобы вывести столь странные отметины. А способ наблюдения нашелся иной.

Веб-камера высокого разрешения! Достаточно направить ее, куда нужно, и изображение будет транслироваться на мониторе или телевизоре.

Отныне не имело смысла просиживать часами на жестком подоконнике, пялясь в дырочки тяжеленного армейского бинокля. Видимость, правда, стала хуже... Подобная оптика оставляла желать лучшего. Но зато появилась возмож-

ность записывать понравившиеся моменты.

Час с лишним Максим пролежал на диване, втирая в веки целительный крем и следя, как Лера моет окно на кухне. В зеленой футболке и коротких шортах. Она впервые представала перед ним в полный рост, и молодой человек с удовлетворением отметил, что ноги у нее оказались стройными.

Потом она куда-то ушла, — кто-то безрезультатно звонил ей семь раз подряд, — и ночевать, судя по всему, не вернулась. Максим прождал до трех утра, — никаких признаков жизни.

Он занервничал. Поначалу: «Не случилась ли с ней беда?» Затем холодок тревоги вытеснила едкая ревность: «У нее есть любовник! Отправилась трахаться... Чему удивляться? Молодая девка, физиология требует...»

Фантазия старательно рисовала различные похабные картинки: мужик с волосатой спиной грубо пользуется ее на полу, впиваясь губами в коричневые соски; она целует его жилистый член, зарываясь лицом в рыжие заросли лобка...

Видения ничуть не возбуждали. Они порождали отчаянную ярость. Снова вернулись мысли об Ирине.

«Неужели, и эта — такая же сука?»

Хотелось всё крушить или кого-нибудь избить... Последние полгода внутренний смерч гнева не раз опустошал его, но Денисов никогда не выпускал душевную стихию наружу. Иногда это оборачивалось последующими неделями меланхолии, иногда разовой пьянкой до состояния невменяемо-

сти.

Сегодня же рассудок одержал верх: «Она же еще не знает, что у нее есть я!»

Эта мысль успокоила его. Он ведь тоже не девственник!

Впервые переспать с женщиной ему довелось поздно. В двадцать три. Случилось это на даче у приятеля, куда шестеро вчерашних выпускников института радиоэлектроники приехали отметить его день рождения. Так сказать, мужским коллективом. Но на соседнем участке тоже отдыхала веселая компания, состоящая сплошь из «старушек», — так между собой они называли тех, кому «за тридцать». К закату столы объединились, спиртное потекло рекой, пионерское расстояние во время танцев сократилось до вульгарных объятий, в пруду при свете Луны все уже купались голышом... Ему понравилась Люда, полненькая улыбчивая блондинка. Узнав, кто виновник торжества, она подарила ему компакт-диск с записью рок-баллад, произнесла милый тост... Под утро они вдвоем сбежали ото всех. Сидели на берегу под раскидистой ивой, целовались...

Всё произошло там же, на торопливо расстеленной олимпийке. Но было так чудесно! Невзирая на оцарапанное об осколок бутылки колено, на облепивших спину комаров, на то, что груди у Людмилы оказались почти бесформенными, а живот отвисшим... Да, ее лоно пахло болотом, кожа на бедрах была изъедена целлюлитом... Но он владел ею! Трепетно и напористо, нежно и ненасытно, компенсируя неуме-

ние нерастраченным с юношества пылом... Ей тоже понравилось. Вне всяких сомнений! Невнятные стоны сменялись криками блаженства, острые ногти вонзались ему в лопатки, судороги ее тела передавались ему, вызвав в итоге извержение маленького вулкана, угодившего в сказочную расщелину...

Его распирало от счастья. Он боготворил женщину, о существовании которой десять часов назад даже не подозревал.

— Мы будем вместе? — спросил он, осыпая поцелуями ее лицо.

— Ты пьян! — Людмила рассмеялась, но, поймав его взгляд, осеклась.

— Я не шучу!

— Макс, солнышко! — она обхватила руками его голову и, притянув к себе, чмокнула в макушку. — Я старше тебя на четырнадцать лет! У меня двое детей. Дочка в этом году поступила в университет, а сын учится в восьмом классе... Когда ты протрезвеешь и узришь меня при свете дня, испугаешься!

— Но... я люблю тебя!

— Господи! Откуда ж ты такой взялся? День назад ты даже не догадывался, что есть на свете такая Люся. И, вот, так сразу «люблю»... Постой! Неужели... я у тебя, хм, первая?

— Угу.

Он ожидал, что Люда, хохоча, побежит рассказывать всем

его тайну, но она заплакала.

— Максимка! Прости меня — старую и глупую бабу, ладно? Ты — чудо! Но я замужем, и разводиться не собираюсь...

— Как же ты тогда могла... со мной?

— Ты такой милый... А я слабая женщина. Завтра ты забудешь меня, обещаешь? Если как человек ты столь же хорош, как в сексе, тебе цены нет! Девчонки не подозревают, какое сокровище есть в нашем городе! Я завидую твоей избраннице...

Она отыскала губами член Максима, который тут же откликнулся на ласки, и, дождавшись, когда тот окрепнет, жадно оседлала его...

Лишившись невинности, он обрел уверенность в себе. Робость перед слабым полом исчезла, но Денисов не ринулся на вселенский блуд. Остаток лета и всю осень сох по Людмиле, не желавшей с ним больше встречаться, а в начале зимы в его жизни появилась Наташа — полная противоположность его первой женщины: худюшая девятнадцатилетняя студентка. Правда, с солидным постельным опытом. Они встречались почти год. Максим обожал ее: потакал всяческим капризам, баловал подарками, гадал, кем окажется их первенец... Но Наташа ушла, бросив на прощание ряд едких фраз:

— Какое-то время ты меня устраивал... Особенно в интимном плане. Но такой, как я, нужен волевой мужик, а не размазня, вроде тебя. Извини, но восторженные слюни раздражают пуще телерекламы! Да, согласна, любой понравит-

ся, когда ей стирают трусы, подают в кроватку кофе и целуют в задницу. Но оценить это сумеет далеко не каждая. Не я — это точно. Ты слишком... мягкотелый. Это действует на нервы! Ну... Точно так же нормальный парень долго не вытерпит рядом с собой какую-нибудь феминистку, ругающуюся матом и периодически бьющую рожи близким. Учти на будущее!

Денисов несколько раз пробовал спать с женщинами, не любя их. Но механический секс не давал удовлетворения, более того — злил.

Вскоре его увлек водоворот страсти по имени Ирина. Но и эта сказка быстро закончилась: с очередным диагнозом «рохля» он оказался выброшенным в сточную яму разочарования.

И вот теперь еще один зыбкий шанс. Валерия! Лера... Щупальца чувств неумолимо тянулись в сторону заветного окна.

Вихрь воспоминаний и раздумий незаметно столкнул его в скользкий колодец сна...

5

Разбудили его искаженные динамиками голоса. Валерия звонила матери.

— Мам, ты меня наверно вчера потеряла?

— Да уж, трезвонила полвечера...

— Я была у Алёнки. Заболтались допоздна... Осталась на ночь... Ты ж знаешь, городского телефона у нее нет... Сотовый у нее украли, новый еще не купила. Мой же разрядился в ноль... А «зарядки» с нужным разъемом не нашлось.

— Ладно. Ты не забыла, куда мы собирались?

— Конечно, помню. Трудовой десант на дачу... Назад хоть сегодня?

— Вряд ли... Дел там невпроворот. Одной рассады помидоров больше ста кустов! И не ной. Отец шашлычок замочил. Бери, если хочешь, с собой подружку или... хахаля!

— Мам! Тебе же известно, что я ни с кем не встречаюсь...

Дальше Максим не слушал. Он ликовал! Его опасения оказались напрасны. Она свободна! Он завоюет ее сердце. Постепенно. Но сначала узнает о ней... всё! Еще одну «Наташу» или «Ирину» его психика не выдержит...

Колыхнувшиеся сомнения, что Лера солгала матери, успокоил последовавший разговор с подружкой Аней. Валерия предупредила, что их поход в кафе откладывается, и ни словом не обмолвилась про ночевку у некой Лены. Более того, ее возмутил заданный собеседницей вопрос:

— Ты уже переспала с тем Лешей, про которого рассказывала?

— Анята! Я еще не готова спать, с кем бы то ни было! Иногда мне хочется ни к чему не обязывающего, банального секса, но... мне нужно время. Понимаешь? Так что, давай, не будем об этом! И извини, — мне пора собираться. Вернусь

— звякну!

Денисов спустился во двор. Он видел, как Валерия вышла из подъезда с плетеной корзинкой в руке и направилась к автобусной остановке. Даже в потертых джинсах, давно вышедшем из моды топе и стареньких босоножках она была прекрасна.

Поборов желание подойти к ней и заговорить, он поплёлся назад.

Дома его обуяла жажда наведения порядка. Тесная однокомнатная коморка больше не казалась ему уродливой. До позднего вечера он отчищал до блеска унитаз, раковину и ванну, мурлыча под нос строчки из песни Макаревича:

И ты можешь двигаться влево и вправо, —

Мне все равно.

Поверь, всё, что завтра случается с нами,

Предрешено!

И мы будем вместе...

Вечером свет в окне напротив так и не зажегся, но сегодня его этот факт не беспокоил.

Живительная весна сменилась отравленным летом. Небесный метроном отсчитывал схожие дни. Но однообразие Максима не слишком тяготило. Он дышал часами, когда,

возвратившись с работы и сытно поужинав, устраивался поудобней перед телевизором, вещавшим одну и ту же картинку, и замирал от предвкушения.

Увидеть Леру, хлопчущую на кухне, задумчиво курящую под форточкой, скидывающую халатик... — было для него наградой за прожитый день, глотком воды для уставшего путника. Он коллекционировал эти мгновения, педантично записывая их на видео. На жестком диске компьютера в директории «Окно» уже имелось две папки: «Май» и «Июнь». Последняя находилась в процессе заполнения.

Денисов разузнал, кем и где девушка работает: экономистом 2-й категории кредитного отдела в одном из подразделений известной кредитной организации. Правда, название ее должности не давало ему ни малейшего представления о том, чем она реально занимается. Банковских клерков он всегда рисовал себе приблизительно так: толстые тетki, сидящие за утонувшими в кипах бумаг столами, усердно тыкающие кнопки калькуляторов и клацающие костяшками счёт... Детские воспоминания! Мамина знакомая была заведующей сберкассой и как-то заводила его, семилетнего мальчугана в свой «кабинет», в котором, помимо нее, находилось еще человек десять. Валерия никак не вписывалась в навязчивый образ, но он понимал, что в век компьютеров всё здорово поменялось.

Сегодня он заметил нечто, не на шутку взволновавшее

его: еще не стемнело, но ему показалось, что за зеркальными в лучах заката стеклами мелькнула мужская фигура. Точнее — блеснули на погонах звездочки...

«У нее в гостях какой-то военный!»

Эта мысль больно резанула по сердцу.

Денисов недолюбливал служивый люд. Будь то боевые офицеры, пожарники или постовые милиционеры. Нет, он уважал их зачастую нелегкий труд, но и не встречал более распущенного контингента. От них за версту веяло похотью. словно униформа провоцировала на разврат.

Вскоре страшные подозрения подтвердились. Подслушивающее устройство захрипело. Визитер говорил шепотом. Максим живо представил, как этот отвратительный тип зажимает потной ладонью трубку и озирается...

— Привет! Это Вадим. Я тут осел у одной барышни... Если меня будет искать Борис Иванович, немедленно телефонируй! Запиши номер...

— Готово. Краля-то хоть знойная? — голос на другом конце провода был пошло-здорным.

— Эй! Если дырка есть и рот, значит, баба не урод! А вообще, классная. И голодная... Течет от одного взгляда!

— Ну, вдуй ей и от меня тоже!

— Без проблем, Санёк! Бди там!

Их короткий диалог взбесил Максима. Его женщину хочет попользовать какой-то гнусный самец! «Течет от одного взгляда!» «Вдуй ей и от меня тоже!» Ну и скоты! Он не про-

стит себе, если допустит это!

Первым порывом было — вломиться в квартиру Валерии, вмешаться... Но благоразумие взяло верх. Ни к чему действовать столь грубо, имея на руках отменный козырь!

Он позвонил. Ей.

— Алло?

— Добрый вечер! — забасил Денисов. — Это дежурный... У Вас там должен быть наш Вадим.

— Да, он здесь. Пригласить его?

— Просто передайте, что Борис Иванович рвет и мечет, так как его нет на месте... И пусть срочно свяжется с женой! До свидания.

Про жену Максим выдумал, с целью не допустить повторной встречи. Бывший муж Леры, судя по всему, был отъявленным гулякой. Едва ли ей понравится флиртовать с аналогичным субчиком! Теперь, будь обладатель погон хоть трижды холостым, оправдаться она ему не даст.

Расчет оказался верным. Минут через десять девушка, плача, уже делилась своим горем с подругой Аней:

— Господи! Какая ж я дура! Решила последовать твоему совету... За мной уже месяца полтора увивается один таможенник. Пригласила его к себе... Чисто на чай. А он мало того, что под юбку сразу полез, так еще, как оказалось, сбежал со службы... Оставил своему сослуживцу мои координаты... Ты бы слышала его насмешливый тон, когда тот позвонил! Мол, успел Вадик тебя трахнуть или облом? Да и женат этот

мерзавец, хотя час назад поведал печальную историю своего развода... Признался, только когда я приперла его переданной через меня просьбой позвонить супруге!

— И что дальше?

— Выставила вон. Впрочем, и так бы ушел. Вызвали ведь...

— Ну и зря. Тебе что, под венец с ним идти? Если у мужика штамп в паспорте, в кровати тебе от этого ни горячо, ни холодно! Уж лучше такой, чем с гонореей!

— Просто ты никогда не выступала в роли обезличенной тупицы-жены, готовящей ужин и стирающей носки, пока благоверный ублажает одну из тех, кому «ни горячо, ни холодно»!

— Извини... Но мне жаль тебя. Красивая девка, а личную жизнь никак не слепишь! А я... Сама ль не такая? Представь, Валерка, нам уже по двадцать пять! Жуть... Хочешь, я приеду? Поболтаем...

— Конечно! Я, кстати, раскладушку купила. Не придется тесниться на диванчике...

Максим вдруг понял, что ему уже недостаточно просто заглядывать в окна и фиксировать исключительно переговоры по проводной связи. Он должен видеть каждый ее шаг, слышать каждый ее вздох! Хотя бы в пределах квартиры.

Витавший в голове замысел обрел очертания. Дело оставалось за малым — воплотить его в жизнь...

Максим неплохо разбирался в электронике и всегда был в курсе последних достижений в этой области. Во всяком случае мог самостоятельно починить музыкальный центр или даже спаять радиоприемник. Но ныне его интересовали крошечные микрофоны и миниатюрные веб-камеры. Весь этот арсенал шпионов постепенно перекочевал в быт. Разумеется, полулегально. И хотя применение ему нашлось, в основном, у частных детективов и извращенцев, при желании они стали доступны любому. Так, запросто можно было приобрести «глазок» с вмонтированным передатчиком размером с автоматную гильзу. А «жучки» и вовсе научились делать не больше горошины! Цены кусачие, но отнюдь не заоблачные.

Денисов купил четыре передающих устройства видео и столько же — для аудио. У них был довольно ограниченный радиус вещания, но проблема решалась ретранслятором. Загвоздка возникла другая: как установить эти продукты высоких технологий у Леры? Ведь нужно, как минимум, проникнуть к ней в жилище...

Он внимательно изучил входную дверь. Замки оказались простенькими — с ними бы легко справился даже начинающий медвежатник, однако среди знакомых Максима владельцев отмычек не значилось.

Но казавшаяся тупиком ситуация разрешилась весьма просто. Вскоре выяснилось, что самым полезным приобре-

тением на «черном» рынке оказалось приспособление для захвата звука, которое можно было сфокусировать на нужном источнике. Продавец божился, что «аппарат» проверен в действии: с легкостью отсекает сторонние акустические помехи и способен считывать речь с большого расстояния даже от вибрации стекол.

Через пару дней Валерии с утра позвонила Анна. На мобильный. Разговаривали подруги по селектору.

— Я вечером забегу за забытым у тебя пакетом? Там кой-какие документы, которые понадобятся мне завтра...

— Ань, я сегодня после обеда уезжаю на три дня в Москву, на курсы... Так что, вечером уже буду трястись в поезде... Заберешь сама? Давай так: я брошу запасной комплект ключей в почтовый ящик, — он открывается даже гвоздем! — а ты мне их потом вернешь. Хорошо? Шмотки твои оставлю в прихожей под зеркалом...

— Не страшно? Вор влезет...

— Ну, во-первых, у меня и взять-то нечего, а во-вторых, ящики у нас в подъезде скорее не почтовые, а мусорные. Там вечно всякие фантики, бычки, рекламные листовки... Заверну в обертку из-под шоколадки — сроду никто не догадается!

— Ладно. Загляну после шести!

— А я уйду на вокзал в три. Надеюсь, за это время грабители на них не позарятся. В субботу, как вернусь, наберу! Чао!

Максим не мог поверить в такую удачу. Имея ключи, за трое суток он успеет нашить квартиру Леры своими устройствами не хуже, чем когда-то советские спецслужбы американское посольство!

Получить отгулы до конца недели не составило труда. Руководство ГТС по праву считало Денисова отличным работником. Вряд ли незаменимым, но крайне необходимым. Тот редкий случай, когда грамотных подчиненных ценят...

Валерия, груженная спортивной сумкой, вышла из дома в начале четвертого. Она заметно торопилась. Выждав полчаса, Максим подошел к почтовым ящикам. Дверца действительно легко открылась отверткой. Забрав нужный ему сверток, он направился в примеченную ранее мастерскую. Там ему за двадцать минут выточили дубликаты ключей, а ровно в пять ноль-ноль оригиналы снова покоились в глубине ячейки с номером «27».

Анна объявилась ближе к семи. В квартире она пробыла недолго. Сидящий в отдалении на лавочке Денисов даже не успел выкурить сигарету, а владелица забытого пакета уже ушла, покачивая бедрами, прочь. Глядя ей вслед, он мысленно благодарил ее за забывчивость. Сама того не ведая, она преподнесла ему царский подарок!

Свой визит он решил отложить до утра. Было слишкомлюдно, а привлекать к себе внимание ни к чему. Идти, как стемнеет, тоже рискованно — свет мог вызвать подозрения у соседей Леры. Вдруг, она предупредила кого-нибудь, что

уезжает?

Ворочаясь на скрипучем топчане, Денисов в первый раз задумался: что же он вытворяет? Вмешательство в частную жизнь — преступление. Уголовное. Едва ли кого-нибудь сажали в тюрьму за подобное, но тем не менее. Однако его деяния больше походили на манию...

«Но ведь я не подглядываю за всеми подряд? — размышлял он. — Я ж не чокнутый извращенец, из тех, кто подсовывает камеры в женские душевые или примерочные кабинки, а потом выкладывает записи в интернете! Мне нужна лишь Она! Мне и только мне! Я не делаю ничего плохого, не желаю ей зла... Я люблю ее!»

Вскоре ростки сомнений были вытоптаны коваными сапогами самовнушения...

Как только рассвело, прихватив чемоданчик с инструментами, он пересек пустынный дворик и, крадучись, поднялся на шестой этаж дома Леры.

Замки, изнасилованные ключами чужака, послушно провернулись, но несмазанные петли двери протяжно заскрипели. Ощущалось отсутствие мужской руки.

Очутившись в прихожей, Максим отдышался. С лестничной площадки не донеслось ни шороха, — очевидно, скрип никого не потревожил. Или подобные звуки давно стали привычными.

Первым делом он прошел в единственную комнату. Громоздкая мебельная стенка, стеллаж с книгами, потертая со-

фа, письменный стол, репродукция известной картины Дали... Никакой роскоши. Даже телевизор, хоть и носил гордое звание «Панасоник», был явным доходягой. Не таким представлялся быт банковской служащей!

Денисов просмотрел корешки книжных томов. Ничего особенного. Дюма, Шелдон, Кинг, Маринина... Были представлены и произведения Толстого, Бунина да Чехова, но, похоже, они выполняли чисто декоративную функцию.

Кухонная обстановка выглядела поприличней. Новый гарнитур «под орех», импортная газовая плита, уютный «уголок»... В напольном горшке кустилась китайская роза. Весь вид портил дешевый музыкальный центр класса «мыльница», зато подборка компакт-дисков вызывала уважение: «Пикник», «Иглз» и даже «Квин»!

На подоконнике — пепельница в виде туфельки, в которой приютилась наполовину выкуренная сигарета. Облегченный «Парламент».

Он заглянул в практически пустой холодильник: пара яиц, баночка йогурта, начатая пачка масла, пакет яблочного сока, половинка помидора... В морозильной камере томилась куриная грудка...

Экскурсия в туалет ограничилась беглым осмотром унитаза. Чистый! Денисов терпеть не мог загаженные уборные, хотя сам иногда ленился лишний раз взять в руки ершик.

В ванной же он задержался. Обычная конурка, выложенная непритязательной плиткой «под Гжель», с чугунной ем-

костью, раковиной и колбасой хромированного радиатора для сушки полотенец.

Все полочки внутри шкафа-пенала были заставлены косметическими средствами и предметами личной гигиены.

Дотошный парень хотел узнать свою заочную возлюбленную до мелочей: каким кремом пользуется, чем пахнет ее шампунь, какова на вкус ее губная помада...

Он поочередно поднес к носу все тюбики и флаконы, лизнул зубную пасту...

Покончив с этим, тщательно изучил небрежно брошенный бюстгальтер. Черный, кружевной. На ярлычке значилось — «75В». У Ирины был практически тот же размер, но «А». Максим зарылся лицом в одну из чашечек. Невесомая материя хранила специфический аромат тела. Ее тела! Нахлынуло дикое сексуальное возбуждение, которое едва удалось подавить.

После столь непривычного наваждения, не желая признавать себя фетишистом, рыться в баке с грязным бельем он не решился.

Коридорчик удостоился лишь беглого осмотра. Платяной шкаф, антресоль, овальное зеркало, телефонный аппарат...

Когда же Денисов посмотрел на свои электронные «Ка-сио», ахнул: он провел здесь почти шесть часов и толком ничего не сделал!

«Установка всех моих приспособлений займет уйму времени. Лучше поспешить. Мало ли что может случиться? На-

пример, отменят курсы...»

С «жучками» -микрофонами проблем не возникло. Спрятать их несложно. Зато зрачки мини-камер, находясь на виду, должны быть незаметными. Они хоть и размером с игровой «кубик», но с хвостиками антенн.

Денисов еще раз внимательно изучил комнату. Люстра не годилась, наличники на двери были светлыми... Идеально подходила рифленая батарея отопления. Меж двух металлических секций он закрепил первый «глазок». Но одного ему показалось мало! Место для второго вскоре тоже нашлось — том Достоевского в черном переплете. Он высверлил в корешке отверстие, приклеил к титульному листу антенну... Заметить кружок объектива мог лишь посвященный. Либо по случайности. Однако, вероятность того, что Валерия вздумает перечитывать литературное наследие Федора Михайловича, была крайне низкой.

На кухне мини-камеру он врезал в массивный карниз. Там она абсолютно не бросалась в глаза.

Вести наблюдение в туалете Максим счел глупостью. А в ванной пришлось попотеть. Голубой кафель, белая сантехника... Черный кружок будет слишком различимым на таком фоне! Но поверх пенала стояла какая-то темно-серая коробка. По слою пыли на крышке можно было предположить, что его содержимым Лера никогда не пользовалась.

Внутри оказались старомодные бигуди. Он решительно проделал в картоне небольшое отверстие...

Последнюю камеру он разместил в прихожей, в распределительной коробке напротив зеркала.

«На сегодня достаточно!»

Парень еле держался на ногах. Сказывалось нервное переутомление, породившее физическую усталость. Он был бы не прочь заночевать прямо здесь. Уснуть, касаясь щекой подушки, благоухающей волосами Валерии... Но про меры предосторожности забывать тоже не стоило.

Тщательно устранив следы своего пребывания, он благополучно покинул не свою, но, как ему казалось, такую родную квартиру.

Спать лег пораньше: работы на завтра намечалась тьматьмушая.

Пока удавка дремоты плавно душила его сознание, он представлял Леру, снимающей черный кружевной лифчик. Лишь для него...

8

Максим управился к обеду. Но только с половиной дела. Крошечные передатчики «жучков» и «глазков» были включены. Теперь требовалось установить усилитель сигнала и ретранслятор. Идеальный вариант — где-нибудь за окном. Тогда специальный многоканальный приемник легко улавливал бы изображение и звук. Однако имелось несколько «но». Во-первых, возня высунувшегося из окна чужого жи-

лица мужчины неизбежно заинтересует зевак. Во-вторых, частота вещания может совпасть с диапазоном приема некоторых высокочувствительных иностранных телевизоров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.